

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«ЛИШЬ ПАМЯТЬ ТРОНЬ...»

Поэт-фронтовик —
о войне

КЕМЕРОВО, 2014

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«ЛИШЬ ПАМЯТЬ ТРОНЬ...»

Поэт-фронтовик – о войне

Составитель тематического
сборника – НИНА ИНЯКИНА

КЕМЕРОВО, 2014

*9 Мая 1995 года в Кемерово, у памятника кузбассовцам,
погибшим в годы Великой Отечественной войны
(на переднем плане – Александр Никифорович Инякин,
бывший артиллерист, инвалид Великой Отечественной войны,
за ним – Аман Гумирович Тулеев, сегодняшний наш Губернатор)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый тематический сборник стихов Михаила Александровича Небогатова о войне был подготовлен мною в феврале 2012 года к региональной конференции «Литература Кузбасса и её роль в гуманитарном воспитании и образовании детей и молодёжи», приуроченной к 50-летию Кемеровского областного отделения Союза писателей России.

В канун 69-го Дня Победы я дополнила этот сборник стихотворениями, опубликованными в разные годы в книгах, журналах, газетах. Из множества вариантов стихотворений выбрала по одному, на свой вкус. Поместила сюда и венок сонетов «Голос сердца», написанный М. Небогатовым к 40-летию Победы.

В название сборника вынесла первую строчку стихотворения «Воспоминания солдата», ранее никогда и нигде не публиковавшегося. Оно написано в содружестве с музыкантом Эдуардом Казаковым в 1985 году и стало песней, которую автор, к сожалению, так и не услышал. Включила оба варианта – окончательный и первоначальный – с правкой автора. Отпечатаны они на машинке самим поэтом. Стихотворение это несколько отличается от всех, когда-либо написанных Небогатовым. Здесь слышится чёткий, чеканный маршевый ритм. Каждое слово сразу проникает в душу и сердце. Слов немного, но как же о многом они говорят! И как бередят душу!

В отдельный раздел выделила стихотворения из фронтового блокнота. Этот рукописный сборник обнаружила вдова Михаила Небогатова Мария Ивановна, когда разбирала его архив. Подборка начинается её предисловием. В дневниковых записях 1968 года Михаил Александрович пишет: «...отдал на радио Нелли Николаевне (Соколовой – Прим. Н. Инякиной) стихи... ..они показались ей облегчёнными. Ничего удивительного – это стихи военных лет, написанные в 1941-1944 годах. Я немного подшлифовал их, сопроводил стихотворной вводкой и предложил подборку под названием «Стихи военных лет». Я понимаю: Нелли Николаевне «облегчённой» кажется дневниковость, непосредственность. Непривычно, например, читать, как чувствует себя молодой солдат (мальчишка, в сущности!) под бомбёжкой; неуместным в стихах такого рода может показаться разговор в стихах о том, как страшно на войне, как стережёт на каждом шагу смерть. Всё это – сама война, но писать привыкли о другом – о мужестве, о подвигах и т. д. Не дневники нужны, считает кто-то, а громкие фразы, вроде известного шаблона: гром победы раздавайся!..».

Кроме стихотворений включила сюда и короткий очерк поэта о командире роты, в которой он служил. Описываемые поэтом-фронтовиком события происходили в апреле 1942 года в Смоленской области.

Думаю, что этот обновлённый сборник – наиболее полное собрание стихотворений поэта-фронтовика. Старшему поколению кузбассовцев он напомнит о грозных годах, а молодёжи позволит узнать, «Какой из сорок первого тяжёлой дорога в сорок пятый год была...».

Составитель – Нина Инякина. Г. Кемерово, апрель 2014 года.

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА

Слова Михаила
НЕБОГАТОВА

Музыка Эдуарда
КАЗАКОВА

1. Лишь память тронь: дым, огонь.
В рассветный час июнь погас.
Сраженья шли жестокие.
Гибли, гибли сотни нас.

Припев:

За мир на свете, за Родину свою
Мы отдавали жизнь в бою.
Снаряды били по юным и седым,
Но каждый верил: мы победим!

2. За шагом шаг, свет и мрак.
Смерть на ходу – в одном ряду.
Нам сном сегодня кажутся
Кровь и ужас в том аду.

Припев.

3. Сквозь пыль дорог, боль тревог
В Берлин мы, друг, пришли не вдруг.
Не счесть потерь товарищей,
Где пожарища вокруг.

Припев.

4. Не гасни, свет тех побед!
В душе страда того труда.
Вовеки не забудутся
Грозной юности года.

Припев:

За мир на свете, за Родину свою
Мы отдавали жизнь в бою.
Снаряды били по юным и седым,
Но каждый верил: мы победим!

*Г. Кемерово,
1985 год.*

АПРЕЛЬ 1941-ГО

Апрель был солнечно-беспечным.
Шумел перрон, хмельной слегка.
С благословением извечным
Прильнула мать к плечу сынка.
– Ну, что ты вдруг загоревала?
Я ж просто в армию иду...
Но сердце матери вещало
Ещё неясную беду.
Доныне вижу: слёзы льются,
В морщинках светятся они.
– Дай бог тебе живым вернуться.
Господь тебя оборони...

Но мне ничуть не до печали.
Лишь боль от скорбного лица.
А так – вся жизнь ещё в начале,
И нет ей, кажется, конца.
С чего живым-то не вернусь я?
Покою, миром жизнь красна.
И так безоблачно над Русью,
Такая ясная весна!
Я с мамой, с городом над Томью
Прощался весело, шутя.
Кто знал, что слёзы эти вспомню
Всего два месяца спустя...

Апрель сорок первого года.
Тепло проводила родня.
Иная земля и погода,
Иные друзья у меня.
Нас мчал эшелон из Сибири.
И парни с рассветной зари
На горы, привольные шири
Смотрели, толпясь у двери.
В одежде пока ещё штатской,
Но в чём-то армейцы уже,
Мы к будущей жизни солдатской
Все были готовы в душе...
Сперва, до предгорий Урала –
Ложбинки местами в снегу,
А там уже в лето вступала

Весна на зелёном лугу.
Когда ж украинские хаты
Блеснули своей белизной,
Послышались грома раскаты,
Был дождь почти летний.
И зной.
Нам вслед ребятишки махали
И женщины в лёгких платках.
Ни тени тоски и печали –
Улыбки цвели на губах...
Сияло апрельское солнце.
И думать не думалось мне,
Что мирный наш поезд несётся
Навстречу Великой войне...

Ещё когда босые по ромашке
Мы бегали, мне нравилось встречать
Военных – в портупее
и фуражке,
Умевших в ногу весело шагать.
Смотрел с восторгом я на скатки,
фляжки,
На боевую выправку и статью.
А запоют – уж по спине мурашки.
О, как хотелось мне военным стать!

Не ведал я, не представлял
в натуре,
Что корень слова этого – «война».
Как тяжёлый ратный труд
в военной буре,
Узнал, когда нагринула она.
На собственной,
как говорится, шкуре
Я испытал мечту свою сполна.

Призывники, мы так немного
Прожили мирно. Краткий срок...
Доныне слышу крик: «Тревога!»
В казарме – шум и топот ног.
Не понимая, что такое,
Поспешно прыгивая с нар,
Увидел я в окно большое,

Как горизонт объял пожар.
А ближе, низко над домами,
Шёл самолёт, на вид – не наш:
Он и сейчас перед глазами –
Продолговатый фюзеляж.
Спросонок всё так незнакомо
И как-то странно всё кругом:

Со стороны аэродрома,
Чернея, дым вставал столбом...
Потом команда:
– В лес, в укрытье!..
Ещё никто не знал из нас,
Какое страшное событие
Случилось в тот рассветный час.
Но слился рокот самолётный

С догадкой: видно немец-гад
Прошёлся строчкой пулемётной
По нам, по лугу наугад!..
А в час, когда уже не слабо
Лучилась неба вышина,
В лес прибежал боец из штаба
И жарко выдохнул: – Война!

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Я представляю это до сих пор...
Был сладок сон. Тиха была казарма.
Алел восток, и на него в упор
Смотрел фашист с открытого
плацдарма.
Смотрел в бинокль, высок, изящен,
свеж,
Красив своею статностью
спортивной...
Был берег тот не берег, а рубеж,
Простор полей – простор
оперативный...

Уже мосты – места для
переправ,
Для гусениц, колёс, бегущих ног
ли...
Мир черепиц, садов, соборных глав,
– Всё чётко, близко замерло
в бинокле.
Мы спали. И дышалось так легко.
И нам, юнцам, ничто не подсказало,
Что за рекой – совсем недалеко –
Уже война к прыжку ждала сигнала.

Всю жизнь перед глазами,
как живой,
Увиденный впервой солдат
убитый.
Кругом движенье, гул,
моторов вой,
А он у дома – всеми позабытый...

Был первый день войны.
И первый он,
Ничком лежащий, весь
в дорожной пыли.
И чувство в сердце жуткое,
как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли...

НИКТО НЕ ЗНАЛ

Под вечер в первый день войны,
Когда сраженье стихло вроде,
Нам среди непрочной тишины
Казалось: силы – на исходе.
И на одно нас всех, бойцов,
Толкала страшная усталость –
Упасть и спать без всяких снов,
Покуда бой отхлынул малость.
Пусть враг коварен и силён,
Пусть спесь фашиста обуяла,

Всё ж уничтожен будет он,
Как на Руси не раз бывало!
Все знали это. Одного
Никто не знал – сама столица, –
Какой же срок со дня того
Война кровавая продлится.
Едва ль представить кто-то мог,
Что жизнь и труд такого рода,
Когда ты за день изнемог,
Протянется четыре года...

ПУТЬ ОТСТУПЛЕНИЯ ПОСТЫЛ...

Ох, как путь отступления постыл!
На восток от границы от самой
Отправляют нас временно в тыл,
Всех, недавно расставшихся с мамой.
И пылит, и пылит грузовик

Среди поля от зноя седого.
Командир, лейтенант-кадровик,
Не таит нетерпения злого:
– Как же так?.. Ведь с Россией беда!
Неужель, как овечки, мы кротки?

Для чего ж нам винтовки тогда?
Зря мы, что ли, надели пилотки?..
От загара, от злости пунцов,
Он из кузова смотрит в тревоге
На усталых, небритых бойцов,
Что у борта идут по дороге.
Он забыл, что у нас, у ребят,
Должен дух поднимать...
– Это что же? –
И ремни на нём гневно скрипят.
– Это просто на бегство похоже!
А в ответ – не ему одному! –
Небо глухо моторами стонет...
– Не пойму. Ничего не пойму.
Гонит немец! И гонит, и гонит!
Гул всё ближе. Мы в небо глядим:
Бомбовозы. Тяжёлая стая.

Мимо. Курсом особым, своим.
Не бомбят, будто нас презирая...
– Ладно. Встретиться б только
в бою... –
Незажжённую смял папироску.
– Отведу ещё душу свою.
Поиспорчу фашисту причёску!
В ритме будничных, праздничных
дел
Как же верить мне хочется ныне,
Что в боях лейтенант уцелел,
Побывал, может статься,
в Берлине.
Что сполна в сорок пятом году
Наглой спеси фашистского сброда
Сам воздал он за нашу беду –
За июнь сорок первого года.

ЛЕТО 1941-ГО

Целый день по жаре отступая,
Мы в посёлок под вечер пришли.
В мыслях, в теле усталость такая!
Здесь ночуем, от немца вдали.
Благо, здание клуба пустое.
Миг – вповалку на голом полу,
Будто где-то на долгом постое,
Будто где-то в глубоком тылу.

Но тотчас донесенье разведки,
Приказание: – Дальше идти!
Догоняют нас вражьи танкетки.
Километрах уже в десяти.
Как так вышло – враги на колёсах,
Мы же всё – на своих на двоих?..
Вновь отходим. И в наших вопросах
– Горечь, боль без ответа на них...

НА ИСХОДНОМ РУБЕЖЕ

Рубеж исходный – в двух шагах.
Сосредоточились у леса.
Смятенье чувств, и в них
не страх,
А что-то вроде интереса.

Мелькнула мысль: вдруг жизнь твою
Затянет узел смертной петли?
Каким он будет – жутким,
нет ли –
Тот переход к небытию?..

Прифронтовая полоса.
Пусты домов глазницы.
Стал сизым пеплом клин овса,
Стал серым клин пшеницы.

А вот – обуглена изба.
В чаду листва акаций.
Театр войны. Дома, хлеба –
Мертвее декораций.

ТАНКИ

Когда, бывало, в обороне
Нам не хватало больше сил,
И жизнь, и смерть – в одном патроне,
А враг атакою грозил,
Не знали мы минуты краше –
Услышать сзади слитный гром.
– Ребята, танки! Танки наши!
Вон показались над бугром! –

Навстречу им снаряды выли,
Но танки шли, огнём слепя.
Всё сокрушали, всё давили,
Всё подминали под себя!
...И я сегодня рад безмерно.
В прищуре нынешнего дня
Открою вдруг: «На них, наверно,
Была кузнецкая броня!»

Мы жили с весны на степном
полигоне.
Курсантами были. И вот –
По звёздочке новой на каждом
погоне.
У каждого должен быть взвод.
Осталась казарма с постом у порога,
Далёк её строгий уют.
Дорога, дорога...
А в сердце тревога:
«Что будет там – ранят, убьют?»
Прорвались машины до нужной
стоянки.
Затихли моторы. Слезай!
Выходит майор пожилой из
землянки.
– Передний, товарищи, край. –
Сказал так, наверно – одним
озабочен,
Лишь глянув на нашу семью:

Мол, парни что надо,
но молоды очень,
Не струсят ли в первом бою?
Вот начал знакомство. Беседы
недолги.
Майор всё вниманье напряг.
Спросил он у друга:
– Откуда ты?
– С Волги.
– А ты? – у меня.
– Сибиряк. –
Задумчиво он портупеею поправил.
– Тебе... – помолчал офицер.
И твёрдо последнюю точку поставил:
– Дадим тебе взвод ПТР... –
Не сразу слова его стали понятны,
Что дело совсем не во мне,
А в тех земляках моих,
Кто многократно
Прославил Сибирь на войне.

ПОСЛЕ БОЯ

За селом,
Где гитлеровцы драпали,
Где снега от гусениц визжат,
Два солдата –
Наш и немец – на поле,
Кончив рукопашную, лежат...

Смотрят в небо,
Мёртвые, безгласные,
Бившиеся насмерть за село,
Лишь теперь по-мирному согласные,
Что война – ужаснейшее зло...

НИЧЕЙНАЯ ПОЛОСА

Поле между нами и фашистами
Стало вдруг ничейной полосой...
Поле с незабудками душистыми
Утром пахло свежестью, росой...
Снова нам и тропами,

и пашнями
Гнать врага, что в роще
у реки,
Чтобы не ничейными, а нашими
Стали незабудок островки!

ДНЕВНИК

Когда в Россию вал войны проник,
Немецкий генштабист –
педант он строгий! –
Всё чаще, чаще заносил
в дневник:
«Нет продвиженья».
«Трудные дороги»...
Похожи эти записи на крик
Душевного отчаянья, тревоги.
Надеялись фашисты

на блиц-криг –
Не тут-то было: протянули ноги...
Затем опять цепочка грустных строк:
«Войска упали духом – злые зимы...»
Да, истинно, в Россию,
на восток,
Дороги для врагов непроходимы.
Но суть отнюдь не в трудности
дорог,
А в том, что люди здесь непобедимы!

НА ПРИВАЛЕ

О, сладкое слово команды: «Привал!»	Себя мне не жалко. Пусть мне тяжело.
Прилёт – и готово, и в сон наповал.	Ведь я же со взводом и с ротой родной.
Но это другие. Но это не я.	А ей какво там, старушке, одной?
В минуты такие мне нет забытья.	Мучительно снова представить свой дом...
Смыкаю упрямо глаза.	О, сладкое слово команды:
Ни к чему!	«Подъём!»
Мне видится мама в родимом дому.	
Её полушалка вдыхаю тепло...	

НА ПЕРЕДОВОЙ*

Солнце – высоко над головою.	Фронт – он фронт, не летняя гроза.
Зной плывёт, горит кругом земля.	Невозможно притерпеться
Ты лежишь, прислушиваясь	к смерти,
к вою	Хоть всё время смотришь ей
Мин, летящих прямо на тебя...	в глаза!
Смерть повсюду – в тонком свисте	Кажется, все пули и снаряды
пули,	Именно в тебя, в тебя летят...
В вое мин, который душу рвёт,	Хорошо, что кто-то дышит
В жутких взрывах бомб,	рядом,
в моторном гуле –	Незнакомый, но родной, как брат.
Смерть тебя на каждом метре ждёт.	Вот опять от пушечного аха
Говорят, попав на фронт впервые,	По спине мурашки...
Все во власти страха каждый час.	Вот опять...
Не страшны атаки лобовые	Страшно всем. Ну, а сильнее страха
Тем, кто в бой идёт не в первый раз.	Чувство долга: надо воевать.
Мол, привычка...	1969
Ерунда! Не верьте.	

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ БЫЛ ЖИВ ЛЕЙТЕНАНТ!

Это было в Смоленской области в апреле сорок второго года. Был у нас комроты, фамилии, к сожалению, не помню, по званию – лейтенант. Нам было по 19 – 20 лет, а ему (тогда он нам казался стариком), как сейчас думаю, – лет тридцать.

Казался он нам тогда суровым, даже жестоким, учения проводил в самых трудных условиях. Мы его за это побаивались и недолюбливали. Крутой был характером. И вот довелось нам с ним пойти на передовую. До этого приходилось бывать и под бомбёжками, и под обстрелом «мессершмиттов», бывали и мелкие стычки с фашистами, когда из окружения выходили. А вот настоящий-то бой предстоял самый первый.

Мы сосредоточились у кромки леса. Шёл мокрый снег. Крупными хлопьями. Видимость никудышняя. С одной стороны – хорошо. Немец в такую погоду не полетит. Но с другой стороны – и наши лётчики нас уже не прикроют. Предстояло нам провести «наступательную операцию местного значения».

* – впервые написано в 1943 г. в г. Боржоми. См. раздел «Когда пройдёт в душе невзгода» (Прим. Н. Инякиной)

Нужно было нам занять высотку Заячья горка. С этой горки, на которой немец укрепился, всё вокруг километров на пятнадцать просматривалось. Комроты коротко ставит нам задачу:

– Перебежками, как можно быстрее – к подножию горки. Конечная цель – занять её. Противник укрепился хорошо. Всё будет зависеть от вашей ловкости и смелости. Вот и покажите чему вы научились.

Побежали мы. В снегопаде метров триста одолели. С километр приблизительно оставалось, как немец нас обнаружил. Забил пулемёт. Мы залегли. Обстрел не прекращается. Пули гудят, как пчёлы из улья. Непрерывно. Головы от снега не поднять. Так и хочется глубже вжаться! Под таким обстрелом нам ещё ни разу быть не приходилось.

Вдруг – голос. В нём слышалось что-то такое, что заставило оторвать голову от снега. Мы все в касках. Я в первом взводе. Комвзвода впереди меня лежит. А командир роты идёт во весь рост! В ушанке, с пистолетом в руке, в шинели!

– Вперёд! За Родину! За Сталина!

Он даже не идёт и не бежит, а в каком-то воздушном порыве, сам вроде бы за своим голосом движется! А пули не утихают. А он уже и нас обошёл:

– Вперёд!..

И, гляжу, поднимается наш командир взвода, сержант. Вскочил и я! Мы за ротным кинулись. Тут меня как бы толкнуло в руку. Винтовка выпала. Ранило меня.

Рота немного вперёд продвинулась. Залегла. Потом опять поднялся ротный. А нас, раненых, под прикрытием снегопада отвели в недалёкий тыл, в деревушку, где в избе санчасть разместились. Бой получился затяжной, потери у нас немалые. Уж вечер наступил. Мы – забинтованные. Вновь поступающим чистят раны, перевязывают, а у всех на языке одно: жив ли наш лейтенант?

Политрука привезли раненого минными осколками. Сам видел, как его на стол врача положили. Успел нам сказать: «Жив ротный!»

Потом нас дальше в тыл отправили. Так я и до сих пор думаю, хорошо, если жив наш лейтенант! Ведь на таких командирах и держалось всё! Их героический пример поднимал нас в атаки, учил нас мужеству и отваге. Они в те начальные годы войны как бы уже грезили Великой Победой.

Вот думаю: всё-таки дожил до Победы наш лейтенант! Должен дожить! Живёт сейчас ветеран, ушелённый сединой.

И ещё думаю: перед такими людьми мы всегда должны преклоняться.

РОТНЫЙ

– Запевай! – Но молчим.
Злость на ротного в сердце тупая.
– Стой! Налево! Ложись!
По-пластунски вперёд! –

И ползём, задыхаясь
И в рыхлом снегу утопая...
Что за чёрт командир!
На ученьях со света сживёт...

Зашагали опять.
– Запевай! – И сдались мы – запели.
Был настойчив наш ротный –
Добиться умел своего.
Ну, а главное то,
Что в атаке спустя две недели
В рост идущим под пулями
Мы увидали его!

И потом лишь о нём
Разговору и было
Среди нас, уцелевших
Под острым огнём ножевым:
– Как там наш лейтенант?
Он живой ли? Его не убило?.. –
Всем нам очень хотелось,
Чтоб ротный остался живым.

Случайно в мемуарах генерала
Прочёл и вздрогнул: «Зайцева гора!»
Ведь наша часть её атаковала...
Всё вспомнил я. Всё было,
как вчера.
Поляну мокрым снегом укрывало,
А там, в селе, на взгорье, немчура.
Бил пулемёт. Свинцом нас
поливало.
Бежали и кричали мы: – Ура-а!

Стучало сердце. Гром его ударов –
В висках. И вдруг – всё тело
обожгло.
Померк вдали багровый дым
пожаров.
День снегопадом чёрным
замело...
Я лишь сейчас узнал
из мемуаров:
Под вечер наши заняли село!

ПОДМОСКОВЬЕ, 1942

Безлюдный посёлок, разрушенный
в прах,
В морозном мерцанье восхода
Фашисты, которых преследовал
страх,
Оставили после отхода.
Всё в белом сверкании солнечных
брызг,
Как в мёртвых лучах киносъёмки –
Орудья и танки, разбитые вдрызг,
И труб, и заборов обломки.

Верней, не орудья, а контуры их,
Не танки, а их очертанья
В наносах, в холмистых сугробах
крутых,
Как белый погост мироздания...
Звучали, как выстрелы, скрипы
шагов.
И слышал я – верьте не верьте –
Не просто дыханье холодных снегов,
– Дыханье холодное смерти.

ВОДА

Как хороша вода бывает в зной
Из родника, из речки, из-под крана!
Казалось, мелочь, но ничуть
не странно,
Что в ней – частица радости
земной...

И то надолго память сберегла,
Как раненый я пил из чёрной лужи.
Что может быть на взгляд
обычный хуже?
Но помню: сладкой та вода была.

Недвижны орудья и траки,
Безмолвен исходный рубеж...
И слышно острее до атаки,
Как воздух предутренный свеж.

Снята маскировка с лафета.
И ждёшь среди глухой тишины:
Сейчас её вспорет ракета –
Зловещая птица войны.

НЕ ЗАБЫТЬ

Темнела ночь.
Холодная, глухая.

И вдруг, напомнив
Дальнюю грозу,

Нагрязнул «Юнкерс»,
Злобу изрыгая
И угрожая нам: –
Везу-у, везу-у...
Темь небосвода
Разрывая остро,

Нет, не людей он
Добрых в гости вез...
Пора забыть бы это,
Да не просто –
Тревожен мир
От ядерных угроз.

ПУЛЯ

Едва рванулись мы за лог,
На снежно-голую долину –
Свинцовый свист!
Наш взвод залёг...
Вдруг что-то дёрнуло за спину.
Не сразу понял я в тот миг,
Что вещмешок прошила пуля...
И вновь – к деревне напрямик,
Где ждал нас немец, карауля.
Вперёд, вперёд сквозь жаркий шквал,
Пока весь гнев, весь пыл не вылит!

... Я вещмешок свой развязал –
В нём котелок пробит навывлет.
Смотрел на дырки по бокам,
Разгорячённый и усталый,
И дрожь бежала по рукам
От острой мысли запоздалой:
Не видеть мне бы синевы,
Чуть-чуть пониже пуля брызги –
На полвершка от головы,
Всего на полвершка от жизни.

В НАСТУПЛЕНИИ

Мы наступали дружно, смело.
И был рубеж немецкий взят...
Гигантской кузницей гремела
Окрестность эта час назад.
Железный лом кругом, воронки
И распостёртые тела...
Вновь на кого-то похоронки
Писать – есть писарю дела...
Был танк – и тот не твёрже воска
Здесь, в круговерти огневой.
И вот где чудо-то: берёзка

Стоит с нетронутой листвой!
Стоит, как будто так и надо,
Какой-то новой ждёт поры.
И ни царапины, ни чада
На белизне её коры.
А в поле, всем ветрам открытом,
Всё дальше, дальше гром
и гул...
Берёзка над бойцом убитым
Несёт почётный караул...

На версту растянулась колонна.
В целом мире – лишь жгучая высь.
Нету сил. Но звучит непреклонно
Командирское: «Подтянись!»
Еле движемся мы по бурьяну,
И мне кажется, в этом логоу
Упаду я сейчас и не встану,
Потому что уже не смогу.
Но, увидев вдали деревеньку –
Тополя да берёзки кругом, –
Начинаем трусить помаленьку,
Будто рядом родительский дом.

Возле тына – наверно, солдатка.
Дальше люду – как в праздник какой.
И не обруч, а пёрышко – скатка.
И усталость – как будто рукой.
Будто не было дня перехода,
Будто только мы начали путь.
Боевая осанка у взвода,
Шаг уверенный, бравая грудь.
Мы и часу ещё не прошли бы,
Повалились бы в пыль головой,
Но воскресли от марша. Спасибо,
Наш товарищ, оркестр духовой!

СМЕРТНАЯ МЕТКА

По ракете – условному знаку –
В чуть светлевший предутренний час
Поднялись мы все дружно в атаку.

Привыкать ли! Бывало не раз.
И успел я, винтовку сжимая,
Покидая уютный окоп,

Вскользь увидеть, как пуля шальная
Обагрила товарищу лоб.
Вот «ура» уж гремит многократно,
А в глазах всё виденье одно:
Как сползает товарищ обратно
На сырое окопное дно...
Отступая, порой, атакуя,

Повидал сто смертей, может быть,
А вот эту, простую такую
И мгновенную – век не забыть.
Вспоминаю бои и походы,
Вой снарядов, бомбёжки, пальбу,
И всё вижу сквозь многие годы
Эту смертную метку на лбу...

Ночью был об отходе приказ.
Мы в траншее с товарищем спали...
В темноте не заметили нас.
Не проснись мы – и всё бы, пропали.

Шли бесшумно, храня тишину.
Лишь в груди от простуды свистело.
Даже мысль – оказаться в плену –
пробирала мурашками тело.

ПО ПУТИ К ПЕРЕДОВОЙ

Мы шли к передовой.
Вдруг страшный скрежет
Заставил нас припасть
Ничком к земле.
Казалось, этот звук
Весь мир разрежет,
И синий полдень скроется во мгле.
Ревело что-то, всё живое руша,
Вселяя ощущение: смерть близка...
А это была славная «Катюша»

Из ближнего зелёного леска.
Опомнясь, мы смеялись над собою:
Вояки, испугались-то чего!..
Летела к фрицу смерть, истощно воя
– Недалеко уж было до него.
Летели реактивные снаряды,
Как ураган. Такой, что просто жуть.
И были благодарны мы и рады:
Нам, пехотинцам, расчищался путь!

СОNET

Год сорок третий. Госпиталь
в Боржоми.
Глаза откроешь: в окнах – стены
гор...
Как мачты, сосны в утренней истоме.
Внизу – Кура, кизилковый узор.
В палате белой, будто в отчем доме,
Покой и свет. И тихий разговор...
Гром самолётный. И при этом гrome

Под койку лезет сумрачный майор.
Ему бомбёжек чудятся раскаты.
Он весь изранен и контужен был.
Никто не скажет: мол, зачем, куда
ты?
В нём ужас тот доныне не остыл...
На нас не гимнастёрки, а халаты,
Но как поверить: здесь –
не фронт, а тыл?..

СОЛДАТ С РЕБЁНКОМ

Н. И. Масалову

В огненной горячей круговерти,
В неумолчном грохоте атак
Девочку немецкую от смерти
Спас в Берлине наш герой-земляк...
Там бойца, прошедшего сквозь
пламя,
В ореоле славных ратных дел,
Скульптор вдохновенными руками
В бронзе навсегда запечатлел.
Много вёсен, солнечных
и ярких,

Отражённых в отблесках меча,
Он стоит в Берлине, в Трептов-парке,
С девочкой спасённой у плеча.
Он стоит на фоне ясной сини,
Как предупреждение всем врагам,
Величавым символом России,
Что метнула свастику к ногам.
Он стоит, красивый и могучий,
И следит за тучами вдали...
Сколько стран от свастики паучьей
Мы, как эту девочку, спасли!..

Пусть того солдата не тревожат
Те, кому всё в мире нипочём.
Меч опущен. Но подняться может,

Если снова к нам придут
с мечом!

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Она не знала громких фраз,
Но в дымной огненной метели –
Мы это видели – не раз
Была доказана на деле...
Запомнил я воздушный бой.
От «ястребков»
и «мессершмиттов»
Над той – немецкой – стороной
Гудело небо басовито.
А мы, бойцы, лежим во ржи,
И сердцем все мы там, в зените,
Где и пике, и виражи,
И пулемётных строчек нити.
Атака в лоб, удары в бок –
Смешалось всё в круженье лютом...
Вот задымился «ястребок» –
И лётчик прыгнул
с парашютом.
Сейчас подскочит «мессершмитт»,
Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал простой мишенью...

Но тут же друга самолёт,
В крутой стремительности воя,
На помощь сбитому идёт,
Берёт его в кольцо живое!
Пройдёт еще минуты две –
Никто его уже не скосит:
Ведь белый купол в синеве
Июльским ветром к нам относит!
Уж видит лётчик колею,
И рожь, и луг, и дым над лугом.
А тот, кто спас его в бою,
Всё ходит в небе – круг
за кругом.
...И в мирный день сбивают нас
То равнодушие, то обиды.
Как мы беспомощны подчас,
Хоть повидали в жизни виды.
Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,
Великой дружбы фронтовой,
Не словом выверенной –
Делом!

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью
вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей,
и вдов.
Живут, врагами даже
не забыты,
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жёстко
и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются
в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что
в битвах пали,

На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так
когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди
ни о ком?
Нет! И тогда, когда уже
не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире
тишины.
Земля о них расскажет в блеске
росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном
смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!
Не раз Россия в будущие годы

Почтит их память в громе майских
гроз

У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

ДОСТОЙНЫ ЛИ...

Не виноваты мы перед друзьями,
Которые погибли на войне.
Случайность, что не сгнули мы
сами
На Волге, на Днестре или Десне.

И всё-таки порой мы
неспокойны,
Как некий груз, вопрос в душе несём:
Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всём?..

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Рано поколенью моему
Испытанья выпали на долю:
Жизни путь начать в огне, в дыму
По насквозь простреленному полю...

Как ни тяжело было на войне,
Как мы там ни мучились, страдая,
Дорого навек то время мне,
Потому ль, что молод был тогда я?..

УРОКИ ВОЙНЫ

Война не только гнула круто,
Но и учила честно жить.
Учила каждою минутой,
Секундой каждой дорожить.
В любом – большом и малом – деле
Всё исполнять учила в срок,
Хотя уж силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...
Пусть по земле родимой

русской
Война не ходит никогда,
Но жить нам – с полною нагрузкой
И в будни мирного труда.
Ценить, как тот глоток
из фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок,
И не давать себе поблажки,
Не говорить: – Устал, не смог...

Один почёт всем, бурей опалённым.
Народ в расчёт и тех солдат берёт,
Кто в самом малом пункте
населённом
К большой Победе сделал шаг
вперёд.

Друг фронтовой! Не дали нам
раненья
Среди берлинских воевать руин,
А всё ж в душе такое ощущение,
Как будто тоже брали мы Берлин.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «ВЕСНА»

Пусть лето в сорок первом,
Едва прошла весна,
Ударило по нервам
Большой грозой – Война!
Страшнее нет урона,
Но много лет спустя
Нам видятся знамёна,
Что плещут, шелестя.
На занятых высотах
Знамёна те горят,
На всех земных широтах,
На всех путях подряд.
И было в час тот горький:
Полотнище в крови –

Под серой гимнастёркой,
Как вечный знак любви.
Не просто, понимаю,
Всё это вспоминать.
Но шли мы прямо к маю,
Громя чумную рать.
И вот он, сорок пятый,
И вот он, их Берлин,
Поверженный, распятый,
В развалинах руин.
А небо сине, сине,
А где-то там в Москве,
А где-то над Россией
Салюты в синеве!

Они цвели, сияли
Над памятью солдат,
Что смертью храбрых пали
За вновь цветущий сад.

За мир на всей планете
На вечны времена...
Прекрасна жизнь на свете,
Когда в душе весна!

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Миротлюбивые мы люди.
Нам дорог каждый мирный час.
В чехлах у нас стволы орудий.
Снаряды в ящиках у нас.
Нет, наша мощь – не для показа.
И просто так, средь бела дня
Ни по кому ещё ни разу
Не открывали мы огня.
Нигде колёса наших пушек
Не подминали детских тел.
Над кровлей мирных деревушек
Нигде снаряд наш не свистел.
Ещё ни разу не бывало,
Известно каждому из нас,
Чтоб на кого-нибудь напала
Россия наша в мирный час.
Но кто в наш дом с мечом ворвётся –
Не поздоровится тому.
Мы – от бойца до полководца –
Верны народу своему.
Так Бонапарт бежал бесславно
От храбрых русских пушкарей.
Так было с Гитлером недавно.
Его судьба ещё страшней.
Во имя мира, жизни ради
Мы посылали свой металл
На тех, кто в нашем Сталинграде
Дома и школы разрушал.
Мы под Москвою были люты,
Из пушек били для того,
Чтобы звучали в ней салюты,

Как нашей правды торжество.
Огонь под Курском был неистов.
Разила недругов шрапнель,
Чтобы для нас –
не для фашистов –
Там соловьёв звенела трель.
Мы говорили: Не позволим
Вот здесь хозяйничать врагу,
Распоряжаться русским полем,
Жить на советском берегу!
Всё – наше. Кровное, родное...
Снаряд ложился на ладонь
И снова в грохоте и вое
Комбат кричал: Огонь! Огонь!..
Дошли с победой мы до Шпрее
Под гул советских батарей,
Круша окопы и траншеи
С мечтой о счастье мирных дней.
Не смерть немецкому народу
Гром наших пушек нёс тогда,
А избавленье и свободу
Вперёд на долгие года...
Одну дорогу в жизни выбрав –
Дорогу мира, мы, меж тем,
Храним орудья всех калибров,
Всех новых марок и систем.
Но знают все простые люди:
Нам дорог каждый мирный час,
В чехлах у нас стволы орудий,
Снаряды в ящиках у нас.
1952

ОТКЛИКНИТЕСЬ!

Эвакуаций спешных суетня,
Внезапные налёты и бомбёжки...
С багровой ночи, чёрного ли дня
Разъединились родичей дорожки.
Кто возле моря, кто в краях степных.

Не навсегда ли кровная утрата?
Идут донныне поиски родных:
«Ищу сестру», «Ищу отца
и брата».

ПЕСНЯ ГЕРОЯ

Памяти воина-сибиряка Б. Богаткова

Священной памяти достоин
Погибший с песнею в бою!
Он был поэтом, этот воин,

Над чьей могилой я стою.
...Навстречу смерть огнём
хлестала.

Огонь отрезал все пути,
И в смерче жаркого металла,
Казалось, выло: – Не пройти!..
К земле на миг стрелки прижаты.
О, как мила земля! Но вот
Он встал: «Вперёд! За мной, ребята!»
И вдруг запел. И поднял взвод.
Пусть сам поэт упал сражённый,

Горячей песни не допев,
Но смял фашистские заслоны
Его друзей великий гнев!
На отвоёванной высоте
Лежит солдат в земле родной.
Он за неё в бою коротком
Погиб, как истинный герой.

НАША ВЕРА

*К. Л. Волошиной, матери
прославленной партизанки*

... Я знаю, Клавдия Лукьяновна,
Как трудно вам, приблизив даль,
Переживать всё это заново –
Былую радость и печаль.
Да, было радостью великою
В кровати дочку пеленать,
Позднее с тёплой улыбкою
С порога в школу провожать;
Чтоб полюбила землю русскую,
Бродить в полях привольных
с ней –
С резвухой, ласковой Веруською,
Родной, единственной своей.
Судьбу счастливую без вымысла
Пророчить маленькой в мечтах;
Увидеть вдруг, что дочка выросла,
Невестой стала на глазах...

Как было радостно и весело!
И вот нагрянула война.
Тяжёлой тучей занавесила
Зарю июньскую она.
Горят московские предместья.
Грохочут пушки день и ночь...
Страшнее страшного – известие,
Что смертью храбрых пала дочь.
Совсем не думая прославиться,
За счастье Родины в бою
Русоволосая красавица
Сложила голову свою...
Недаром почёт полной мерою
Мы ей доныне воздаём,
Как Зою, нежно «нашей Верою»
Землячку славную зовём.

НА УЛИЦЕ ГЕРОЯ

*Дважды Герою Советского Союза
Афанасию Шилину*

Ранний вечер огоньки зажёт.
Тихо-тихо падает снежок...
В многолюдном уличном потоке
То и дело слышен смех ребят.
Пусто в школе, кончились
уроки,
Но домой ребята не спешат.
Застегнув пальтишки, как попало,
И закинув сумки за плечо,
Как и мы, друзья мои, бывало,
Расшумелись, спорят горячо.
Вспоминаю детство я другое.
Вот в такой же вечер,
в снегопад,
Там, где нынче улица Героя,
Бегал мальчик много лет назад.
Озорной парнишка был, весёлый,

Подвинтив снегурочки-коньки,
Он любил вот так же, после школы,
Поиграть с ребятами в снежки.
Далеко от школьного порога
Распахнулся ясный горизонт!
Но неожиданно мирная дорога
Повернула к западу, на фронт.
В бой пошли вчерашние парнишки,
Хоть мечтали вовсе не о том.
Дым пожарищ... Огненные
вспышки...
Свист снарядов... Орудийный
гром...
О войне написано немало,
Лишь одно добавить я могу:
Сибиряк, простой и скромный
малый,

Был грозою, страшен был врагу!
Был грозой – в потёртой
гимнастёрке,
В сапогах растоптанных своих –
Русский парень, наш кузбасский
Тёркин,
Рядовой из тысяч рядовых...
Заросли травой все окопы,
Над цветами мотыльки парят...
Он прошёл с боями
пол-Европы,
На груди две звёздочки горят.
За большую преданность Отчизне,
За любовь к народу своему
В городе, где вырос он,
при жизни
Монумент поставили ему.
Горняки частенько вспоминают
Земляка, собрата своего.

Улицу, где жил он, называют
Знаменитым именем его...
Говорят, что летнею порою
Далеко, на Северной Двине
Проплывает с именем Героя
Пароход, качаясь на волне.
Скрылись дети в уличном потоке.
Тихо-тихо падает снежок.
Это он, Герой, в тот год далёкий,
Их для светлой жизни уберёт.
Пусть идут по улице спокойно,
Слушая, как радио поёт!..
Ну, а если снова будут войны,
Снова враг внезапно нападёт, –
Не бывать тому, чтоб мы согнулись,
Нападать на нас – напрасный труд.
Есть у нас немало новых улиц,
Где герои новые растут!

Он был на фронте все четыре года
За много вёрст от дома своего.
Жена-солдатка в ящике комода
Хранила кепку старую его.

Когда тоска особенно сжимала,
Она, чтоб удержать себя от слёз,
Ту кепку доставала и вдыхала
Родимый запах пота и волос.

НА ПОСТОЕ

Он на ночь здесь.
Хозяйка – молодая...
Прилёт, усталый,
В угол на шинель.
Подушку взял,
Обидеть не желая,
Но отказался (роскошь!)
Брать постель.

Не спят, вздыхают оба
До рассвета,
Она – в кровати,
Он – в своём углу.
С ней рядом муж,
Хоть он на фронте где-то,
А с ним – жена,
Что ждёт его в тылу...

Она любовь другим дарила –
Был муж на фронте, так далёк.
– Война всё спишет! – говорила
В ответ на чей-нибудь упрёк.

И доставала спирт и сало
Ему, любовнику тех лет...
Война-то, может, и списала,
А вдовы всех погибших – нет.

СТАРЫЙ СОЛДАТ

(триптих)

1.
Прожгла ракета ближний лес –
И с вещмешком своим, с винтовкой
Он через бруствер перелез
И побежал рысцой неловкой.
Не видел он, что там, вдали,

Откуда нёсся скрежет стали,
Фонтаны взорванной земли
Перед глазами вырастали.
Вот кто-то вскрикнул в двух шагах,
А он лишь чувствовал
с досадой,

Что полы путались в ногах,
Что подвернуть шинель бы надо!
Он задыхался, но бежал.
Рубаха потная прилипла.
Винтовку вскидывал, стрелял,
«Ура!» выкрикивая хрипло.
Нет, не был он душой жесток,
Но, до предела разозлённый,
Он, как бывало, вилы в стог,
Всадил свой штык в мундир
зелёный!..

И тут же из последних сил
Метнулся яростно на вспышку...
Потом прикладом заслонил
Соседа – бледного парнишку...
Когда же бой затих вокруг,
Волной горячей откатился,
Он, ощущая тяжесть рук,
К стене какой-то прислонился.
Он ничего не говорил.
Стёр капли пота с подбородка,
Достал кисет и закурил,
И с дымом выдохнул: – Работка!..

2.

Шёл день за днём. За боем – бой.
Как он фашистов ненавидел!..
Он видел танки пред собой –
Последнее, что в жизни видел...
Лежал не дома, на столе,
Не посреди своей избушки,
А на заснеженной земле,
На вечеряющей опушке.
Он был, казалось, невредим –
Ни крови рядом, ни воронки.
Снаряды фыркали над ним,

...Были бомбы, сыпалась щебёнка,
И в обломках где-то под стеной
Замирал предсмертный крик
ребёнка...
До сих пор звучит в тиши ночной.
А забыть ли старца близ дороги,
Как, вокруг не видя ничего,

Хаты белые в садах,
Украинское местечко.
Зелень грядок на задах,
Где тропинка, берег, речка.
Вечер полосы теней

И пули чмокали в сторонке.
С руками накрест, на спине
Лежал солдат на снежном поле.
Лицо спокойно, как во сне,
В нём ни страдания, ни боли.
Но весь его спокойный вид
Как бы кричал глухой планете:
«Нет, я не умер! Я убит!
А мог бы долго жить на свете».

3.

А в этот миг, сбиваясь с ног, –
Ведь столько дел! – жена солдата
К столу подносит чугунок:
– Садитесь ужинать, ребята!
В окошко виден снежный рой.
Дремотен вечер, как усталость...
Одна картошка. Да и той
Немного в погребке осталось.
Такой у малых аппетит!
Пыхтят и губы обжигают.
Их мать в окно на снег глядит,
Молчит, украдкой вздыхает.
Любви и нежности полна,
Она невзгодам не сдаётся:
Вот скоро кончится война,
Домой кормилец их вернётся.
Прислал письмо. Десяток слов
О немцах, Гитлере-бандите,
И о себе – мол, жив-здоров,
Мол, к посевной с победой ждите...
И ждёт она весны большой,
Нетерпеливо дни считает.
...А где-то там, где грохот, вой,
В глазах кормильца снег не тает...
1965 г.

Всё стонал он: – Ноги мои, ноги...
Оторвало ноги у него.
...Защитить от памяти нас нечем.
Но не всё убить смогла война.
Пусть тела отмечены увечьем –
Добротой, теплом душа полна.

НА ПОСТОЕ

Разостлал, вдали алея,
Сделал зелень зеленой,
Стены белые – белее.
Ясно в небе голубом.
Но пчела звенит, как пуля.

Погромыхивает гром –
Гром военного июля...
Солнце с чубом золотым,
Наклонясь к леску, к закрайку,
Смотрит хлопцем озорным
На хозяйку-молодайку.
И волнение своё
Ей не спрятать в тень куда-то,
Ведь с крылечка на неё

Так же смотрят два солдата.
Смотрят, щурясь, как она,
Знать, любя во всём порядок,
Полногруда и стройна,
Ходит с лейкой между грядок.
Как ей справиться с собой...
Хочет выглядеть построже.
Только тот вон, молодой,
Очень нравится ей всё же...

ПОБЕДА, МИР, ВЕСНА...

Праздник радостный, праздник Победы!
Он – как луч, что пробился сквозь беды.
Был бы в мире и холод, и мрак,
Если б не был повержен рейхстаг...
Дни и годы война нас косила,
А взяла своё русская сила!

Много было руин и воронок,
И как воронов злых – похоронок...
Русь развеяла полчища зла!

Вёсен зори от мрака спасла!
Ей за ратные подвиги – слава.
Славься в мире, родная держава!
Нам ты светишь и ночью, и днём
Алым стягом, как вечным огнём...

ПЛЕННЫЕ

Годы в сердце живут без прописки.
Все так близки. И все на виду...
Помню пленных на станции Лиски
В октябре, в сорок первом году.
Сбитый лётчик, мальчишка зелёный,
Весь во власти таинственных пут,
Зло: «Хайль Гитлер!» кричал
исступлённо,
Добавляя: «Москау капут!..»
А потом, попоздней,

в Сталинграде,
Где бесславье своё обрели,
Уцелевшие рослые дяди,
Как бродяги, понуро брели.
И один, не сдержавшись от вздоха,
Не по-зимнему – в тряпки обут,
Воскликнул: «Сталинград!
Очень плёхо!»
И заученно: «Гитлер капут!»

Мы по-пластунски – носом
в пыль – пахали
Родную землю – глину, чернозём.
Мы горечь трав обугленных вдыхали
Под бомбовозов гул: – Везём! Везём!
Об орденах геройских и медалях
Не думали солдаты под огнём.
Пот рукавом стирали.
И глодали
Сухарь железный пополам

с песком.
Испили мы беды великой чашу
И непосильный выдержали груз.
И вправе мы сказать: краёв нет
краше,
Чем край родной – Советский наш
Союз.
Да, вправе, потому что землю нашу
Мы знаем и на запах, и на вкус.

Сказать мне слово доброе охота
Про подвиги твои, твои дела,
Полей царица, матушка-пехота,
Чья ратная судьба так тяжела.
Под ливнем пуль, под шквалом
артналёта
Ты, словно колос, никла, но жила.
Засасывали в топь тебя болота,
Но выбиралась ты и дальше шла.

Шла грозно, не знакомая со страхом,
По-русски вышибая клином клин.
Фашист перед тобой – и перед
крахом! –
Метался среди сопок и долин.
И льстиво припадал дорожным
прахом
К твоим ногам поверженный Берлин.

ИЗ ВОЕННОЙ ТЕТРАДИ

Наверно, не раз на войне вам
Звучала надеждой самой
Солдатская песня с припевом:
«Когда мы вернёмся домой».

Нужна была песня такая,
Чтоб верить: врага победим,
И ты из далёкого края
Вернёшься домой невредим.

Фронтовые письма-треугольники.
С датами и с почтой полевой.
Следопыты, пионеры-школьники
Вписывали всё в блокнотик свой...

Сколько лет он был пропавшим без
вести,
Твой солдат, кормилец твой, вдова,
А теперь к нему вы с дочкой ездите –
На могилку у бывшего рва.

Друг-солдат, познавший тьму
невзгод.
Вот уж не сыны твои, а внуки
Изучать военные науки
В армию уходят каждый год.

В армию уходят, а не в бой.
Но в таком же звании солдата
Им крепить победу, что когда-то
С кровью завоёвана тобой.

Столько лет без войны –
Не великое счастье ли?
Синий мир вышины
Век бы тучи не застили!

Жизнь бесценней всего,
Жизнь, в которую верится.
Надо лишь одного:
Всем друг другу довериться.

Фронтовик со «знаком ветерана»
К Вечному огню идёт, сутул.
Вечером, и днём, и утром рано
Видит здесь почётный караул.

Галстуки рябят под стать рябинам
Там, где сквера солнечный уют.
Знает ли солдат: его сединам
Дети тоже почесть отдают?

Однокашники лет грозových,
Вот она, ваша встреча, случилась!
И не ждали, а так получилось:
Увидали друг друга в живых.

Не убил вашу память фугас
Друг о друге – нет краше момента...
Будто жизни большой кинолента
Прокрутилась обратно сейчас.

На побывку прибыл юный воин.
Китель так идёт ему: орёл!
Вежлив, сдержан,
по-солдатски строен.
В армии всё это приобрёл.

Аккуратно курит сигарету...
Смотрит мать – мужчина из мужчин.
И с чего-то ей в минуту эту
Сладостно и горько без причин.

Как старались немцы силы выжать
Из России в первый год войны!

Чудом было – выстоять и выжить
Под обвалом огненной стены.

Без промашки били бомбы, воя,
Всё живое засты чернотой.

Прижал нас к полю свист сквозной –
Бил метко фриц из перелеска...
Вдруг вещмешок мой за спиной
Назад рвануло чем-то резко...

Как жаль: из строя вывело раненье
До Дня Победы... С чем его сравню?
Живя в тылу, едва ль найдёшь
сравненье
Тому всемирно праздничному дню...

Самые лишь стойкие герои
Выживали в страшной буре той.

Не видеть бы мне синевы,
Чуть-чуть повыше пуля брызги –
На полвершка от головы,
Всего на полвершка от жизни.

Он был такой огромный, словно
море,
Лучами озарённое насквозь,
В котором наше счастье, наше горе
Слезам, словно волнами, слилось...

ВОИНЫ РОССИИ

Вновь над Россией журавли трубят.
В весенних парках девушки
смеются...
А я припоминаю тех ребят,
Которым не пришлось с войны
вернуться.
Былые однокашники мои!..
Когда заря июньская померкла,
Почти что с ученической скамьи
Ушли они в жестокие бои –
В горячее, грохочущее пекло.
Один ещё под Бродами убит –
В тот первый год на западной
границе.
Другой под Сталинградом
в небе сбит.
От третьего лишь карточка хранится.
А сколько их упало на бегу
В Берлине, за неделю до салютов!
Я всех сейчас и вспомнить не могу –

Так нас война подкашивала люто...
В историю Кузбасса своего,
В историю Отечества родного
Ребята поколенья моего
Вписали кровью Памятное слово.
Их сердцем молодым Москва жива.
Они рейхстаг победно штурмовали!..
Опять скорбя солдатская вдова
Стирает пыль с поблёкнувшей
медали.
Нет для неё дороже ничего –
О суженом душевные беседы.
И мы, живые сверстники его,
Её поздравить рады с Днём
Победы...
Пускай идут, торопятся года
В пороше снежной,
В майской тёплой сини –
Не забывайте, люди, никогда
Живых и мёртвых воинов России!

ДАТЫ

Друг мой фронтовой, давно не юный!
Мчатся годы, за волной волна.
Скоро сорок пять с того июня,
Грозно прогремевшего: «Война!».
В памяти – рассветный город Броды,
От бомбёжки в пламени, в дыму...
А потом дела такого рода –
Не дай бог на свете никому.
Но чем дальше двигал враг от дома,
Тем страшней: вернусь ли, мол,
домой?..
Как предвестье полного разгрома

Был разгром фашистов под
Москвой!..
Далеко война. С её начала
Сорок пятый год. И нам опять
Год победный светит величаво:
Он ведь тоже с цифрой сорок пять.
В сорок пятом русская секира
Рассекла рейхстаг. У этих дат
Нынче, в год, что назван
годом Мира,
Свой особый смысл, мой друг-
солдат!

ВETERAНАМ

Не горюйте, друзья-ветераны,
Что с недугами старость пришла,
Что порою уже, как ни странно,
Не даются большие дела.
Вы своё отслужили на славу,
Дорогую Отчизну любя.
Отдыхайте сегодня по праву,
От невзгод берегите себя.
В жарком пекле огня и металла,
В годы бед и лишений лихих
Вашей силы когда-то хватало,
Чтобы делать дела за двоих.

Не с того ли и жизнь наша краше,
Что вы шли через посвист свинца?
Пусть другие потрудятся с вами,
Поработают в поте лица...
Ничего, что повыше ступеньку
Одолеть вам уж стоит труда –
Вас, идущих вот так, помаленьку,
Не осудит никто никогда.
Устаёте. Но хворям в угоду
Не сдаётесь: успею к врачу...
Тем и живы, что в службе народу
Кое-что вам ещё по плечу!

ГОЛОС СЕРДЦА

ВЕНОК СОНЕТОВ

I

Не забыть июнь с его цветами,
С самой ранней алостью зари.
Под её весёлыми лучами
Оживали даже пустыри...
Слово! Ты не только мир природы –
Жизнь тех дней точней изобрази!..
Есть ничем не знатный город Броды

От границы западной вблизи.
С городом вот этим днём свиданья
Первомай был. Ясный, голубой...
Служба наша – взвод боепитанья,
Звание – простое: рядовой.
С новой жизнью, с армией братанье
Не забыть, покуда я живой.

II

Не забыть, покуда я живой,
Как тогда, в том солнечном июне,
Командир наш, стройный, но
седой,
Объявил в субботу, накануне:
– Завтра мы не будем отдыхать.
Надо блеск придать оружию,
складу...
Кто мог ждать, что отдыха

не знать
Нам теперь четыре года кряду...
В ранний час – тревога!..
В дым одет
Город весь. И «мессеры» над нами...
Пол-Европы с лёгкостью побед
Прошагав парадными рядами,
А сейчас на нас, напав чуть свет,
Шли фашисты с чёрными крестами.

III

Шли фашисты с чёрными крестами,
Видно, и не думая о том,
Что над их могильными холмами
Не сочтёшь крестов больших
потом...
Ну, а что же – взвод боепитанья?
Эту не обстрелянную рать
Велено: без риска, испытанья
В тыл отправить, там в кулак

собрать.
Обучить – тогда уж и в сраженьё...
Но война – для всех. Рискуй собой...
Мы в лесу, а лес тот –
в окруженьё.
Чтоб прорваться, в бой, ребята,
в бой!
А враги – прервём ли их движенье? –
Шли и шли лавиной огневой.

IV

Шли и шли лавиной огневой
Чужаки. На отдых нам –
ни мига...
Но всему конец бывает свой:
Под Москвой – крушение блицкрига!

Танки, пушки, трупы там
и здесь –
Всё под снегом, саваном метельным!
Где твоя, фашист, и прыть,
и спесь?

Сбили мы её в бою смертельном!
Летом ты с гармоникой в губах
Выводил мотив весёлый, звонкий.
Не твоя ли «муттер», вся в слезах,
Нынче скорбно смотрит

Шелестели листья-похоронки,
Матерей и жён лишая сил,
И в моей Сибири, в той сторонке,
Где давно мой дед и прадед жил;
Где и я стихом себя забавил,
Собирался с Музою дружить,
Где свою старушку-мать оставил,
Уезжая в армию служить.

Верил тыл: разгромлен будет враг.
Ну, а тот, опомнясь от удара,
От Москвы вдали не лез
в овраг,
Задавал порой такого жара!..
Вот и нам, юнцам, пришла пора
Показать, способны ль на отвагу:
Взять местечко Зайцева гора!
Будем брать... Но не ступить

Для могил фашистам – все воронки!
К Сталинграду рвались напролом –
Смяты средь развалин
и щебёнки.
Тот же крах – под Курском
и Орлом!..
Гнали мы врага, идя по следу.
Каждый бой – и с толком,
и с умом –
Приближал великую Победу,

Над рейхстагом взвился красный
флаг!
Словно символ счастья
и печали:
Кажется, что кровью он набряк
Всех, кого мы в битвах потеряли.
Помню: в окруженье было нас –
Целый полк, а вышло меньше взвода.
Смерть людей косила каждый час,

на иконки?..
Где война – там смерть.
В её руках
Шелестели листья-похоронки.

V

Знал по письмам: было нелегко там,
На пайке держались кое-как.
Пацанов – и тех к большим заботам
Привлекли – нехватка
в мужиках.
И хоть всё давалось солью-потом,
Верил тыл: разгромлен будет враг!

VI

ни шагу.
Стонут мины, хлещет пулемёт,
В поле снежном взрывы,
посвист тонкий...
Вдруг по телу – и огонь, и лёд...
Что ж теперь, ползи к исходной
кромке...
Боль души и раны мстить зовёт:
Для могил фашистам – все воронки!

VII

Ту, в Берлине, в логове самом...
Вот и он – в обличии убогом,
В копоти, в пробоинах – рейхстаг.
С флагом, что несли по всем дорогам,
Там, вверху, наш воин,
наш смельчак.
Миг, другой – на куполе пологом
Над рейхстагом взвился
красный флаг!

VIII

Каждый день. И так – четыре года.
Сколько бугорков земли сырой
Память бередят неслышным стоном!
Вечно мы обязаны с тобой
Этим погребённым миллионам
Тем, что в дружбе с мирною судьбой
Столько лет под чистым
небосклоном.

Столько лет под чистым
небосклоном
Мы дивимся звёздам и лучам!
Не пожаров зарева влюблённым,
А зарницы светят по ночам.
О далёком – роковом – июне
Лишь из книг известно молодым.
Тихое, без грома полнолуны

Добрые дела свои вершим
С огоньком души
и вдохновеньем.
Опыт свой – подобие вершин –
Посвящаем юным поколениям...
Грозен мир. Вновь фюрера – вождя
Ищет новый Крупп, войною бредит.
Про «угрозу русскую» твердя,
Далеко ль на том коньке уедет?

Говорим с врагом спокойным тоном.
Крик – бессилье. Всё познав
в судьбе,
Оградив страну свою заслоном,
Твёрдо мы уверены в себе.
Нынче год – не сорок первый
горький,
Не июнь, что был защитой плох.

Мы себя в обиду не дадим.
Слава богу, повидали виды.
Натерпелись – прямо говорим –
На своём веку лихой обиды.
За себя достойно постоять
Завещали нам герои Бреста.
Как воочью видим их опять:
Знали, что погибнут, а ни

Чтоб не гаснуть зорям и знамёнам,
С дней октябрьских мой родной
народ,
Полный устремлением исконным,
Мир, как хлеб насущный, бережёт.
Всё для мира – сердце, ум, таланты!
Не народа, не его вина,
Что сжимали мир тиски Антанты,

IX

Полной мерой дарит радость им.
Да и мы, хотя уже в отставке,
Всем, что нам осталось, дорожим.
Не хотим подрёмывать на лавке,
На режим постельный не спешим.
Прихворнём, а чуть пойдёт
к поправке –
Добрые дела свои вершим.

X

Никому от нас угрозы нет!
Это им, воинственным персонам,
Жизнь не в жизнь без пушек
и ракет,
Неспроста мы – на посту
бессонном...
Посмотри экран, листы газет –
Говорим с врагом спокойным тоном.

XI

Ни глубокой ночью, ни на зорьке
Недруг не застанет нас врасплох...
Коль опять война – сгорит планета.
Пусть никто не грезит: «Победим».
Победитель, побеждённый – это
В ядерном огне, как миф и дым.
А ударит кто – пусть ждёт ответа.
Мы себя в обиду не дадим.

XII

с места!
Завещал блокадный Ленинград
Мужеством великим, непреклонным.
И концлагерь каждый – сущий ад –
Дал завет: ни перед кем –
с поклоном!
Кличем жизнь сама: всё сделай, брат,
Чтоб не гаснуть зорям и знамёнам!

XIII

Вьюжила гражданская война...
И тогда народ наш строил, сеял,
Но, отдав приказ войскам своим,
Бойню Гитлер, лицедей, затеял,
Сжёт в ней договор о мире с ним...
Чтобы атом Землю не развеял,
Всем народом мы за мир стоим.

XIV

Всем народом мы за мир стоим –
Ветеран бывалый,
школьник юный.
То, что есть на сердце, не таим,
Выйдя на высокие трибуны.
Наша сокровенная мечта:
В мире жить со всеми на планете,
Жить, работать так, чтоб никогда

Не взорваться ядерной ракете.
Верьте нам: страшнее нет невзгод,
Чем войны безжалостное пламя.
Столько лет прошло, а сердце жжёт,
И кошмар её – перед глазами...
Не забыть нам сорок первый год.
Не забыть июнь с его цветами.

XV

Не забыть июнь с его цветами.
Не забыть, куда я живой.
Шли фашисты с чёрными крестами,
Шли и шли лавиной огневой.
Шелестели листья-похоронки...
Верил тыл: разгромлен будет враг.
Для могил фашистам –
все воронки!
Над рейхстагом взвился красный

флаг!
Столько лет под чистым
небосклоном
Добрые дела свои вершим.
Говорим с врагом спокойным тоном:
Мы себя в обиду не дадим.
Чтоб не гаснуть зорям
и знамёнам,
Всем народом мы за мир стоим.

*Январь–февраль 1985 г.
г. Кемерово.*

АККОРДЕОН

Лирическая поэма

Памяти брата Григория

1.

Детьми судьба их обделила,
Уже и старость тут как тут...
И до чего же сердцу мило,
Когда племянники зайдут.
Вот и сегодня – гость желанный.
– Не ждали? Здравсте! Вот и я!
Газету вынул из кармана.
– Что это? – Здесь моя статья...
Облобызались троекратно.
Заметно гостю по всему,
Что видеть им его приятно,
Что рады старые ему...
Едва разделся – полной чашей
Его уже встречает стол.
– Ты по пути, наверно, Саша?
– Нет. Попроведовать пришёл.
Как жизнь?
– Да лучше всех, пожалуй, –
Хозяин весело в ответ. –
Как скрипачи... скрипим помалу.
Других у нас занятий нет.
– Не отвлекал бы разговором.
Как заведёшься – недоест, –
Жена к хозяину с укором: –
Пускай, как следно быть, поест...

Она уж больно хлебосольна.
Кто ни приходит – рада всем.
За стол усадит – и довольна:
Мол, угостить найдётся чем.
– Ешь, Саша, ешь, – сказал и дядя. –
Ещё про всё поговорим...
Тот улыбнулся, хитро глядя,
И – раз! – бутылку перед ним.
– Ну, будь здоров. С твоим успехом!
Спасибо, гость наш дорогой...
Так за беседой, с шуткой,
смехом
Сидят они часок, другой.
Племянник знал: одни хмелеют,
Душой вдали от всяких дел –
Приободряясь, веселеют,
А дядя Гриша – тот грустнел.
Он после двух ли, трёх ли рюмок
Среди родных или друзей
Был весь в плену каких-то думок,
В плену прожитой жизни всей.
В таком душевном настроенье
Вдруг от стола поднялся он,
Взял и поставил на колени
Трофей войны – аккордеон.

И была торжественность
 в моменте:
 Голову склонив, прикрыв глаза,
 Слушал фронтовик,
 как в инструменте
 Возникали жизни голоса.
 Так уже бывало не впервые:
 Забывал племянника, жену,
 Помнил лишь дороги фронтовые,
 Долгую, тяжёлую войну.
 Помнил, как военным первым летом
 Там, где не смолкал и гром,
 и свист,
 Был фашист – секрета нету
 в этом –
 И силён, и весел, и форсист...
 Как от шнапса, зная краснорожи,
 Орды их – по локоть рукава –
 Шли хлебами, с саранчою схожи,
 «Рус, сдавайся!» выучив слова.
 Как столкнув нас где-нибудь
 в болотце,
 В нашем, только занятом, селе
 Гоготали, ржали у колодца,
 От разбойных дел навеселе.
 И всего больнее в той печали
 Было и для мёртвых и живых:
 Как фашисты во дворах играли
 На своих гармониках губных.
 Раздражая, душу надрывая,
 Будто наждаком её скребя,
 Заливалась музыка чужая,
 Словно где-то дома у себя.
 Словно им война – одни игрушки...
 И тогда, собрав своих ребят,
 Раненых, усталых, возле пушки,
 Сам он заряжал её, комбат.
 И хотя стоять уж было не с кем,
 Вскидывал широкую ладонь
 И, сливая гнев с движеньем резким,
 Сам себе командовал: – Огонь!
 И одним оставшимся снарядом,
 Как перед последнею межой,
 С ненавистью бил по наглым гадам,
 По занудной музыке чужой!
 Вы хотели русских взять нахрапом?
 Получайте!.. Взрыв – и тишина.
 Словно им заткнули пасти
 кляпом –
 Ни одна гармошка не слышна!
 Но была крепка фашистов сила.
 Для неё снаряд один – не в счёт.
 Всё живое вновь она разила,

Орудийный выкосив расчёт...
 Сам в живых остался – просто чудо.
 Эх, поля, чужие и свои!
 Сколько не вернулось нас оттуда,
 Скольких искромсали нас бои...
 Дни и ночи, месяцы и годы,
 Вы тянулись медленной арбой.
 Вы ползли, но Родины невзгоды
 Оставляли в прошлом, за собой.
 Вот уже в немецкое предместье
 Наши танки врезались, пыля.
 Вот уж наше русское возмездье –
 Над тобой, германская земля!..
 И однажды майским синим утром
 Шустрый батареец Ерофей
 Новенький, сверкавший
 перламутром,
 Притащил комбату свой трофей...
 Осторожно (очень бережливый!)
 Он открыл футляр, как чемодан.
 – Посмотри, какой струмент
 красивый.
 На, играй, товарищ капитан!..
 И затишье краткое наруша,
 Зазвенел мотив родной, простой:
 Выходила на берег Катюша,
 На высокий берег, на крутой...
 Вспомнились любимые мотивы:
 Выплывают Разина челны...
 Заиграли звуки-переливы
 Про Иртыш, про плеск его волны...
 А когда ударили салюты
 В честь Победы – вспыхнули меха
 Золотом. Счастливые минуты!
 И была та музыка лиха.
 Пели и ребята, и девчата.
 Песня к солнцу, к миру всех звала.
 Пели: помирать нам рановато,
 Дома есть у нас ещё дела!
 Побросав на землю сумки, ранцы,
 Зная точно: Гитлеру – капут,
 Из союзных армий иностранцы
 Слушали, как русские поют.
 Хоть для многих музыка – чужая,
 Но как статен русский командир!
 Улыбались, радость выражая
 По плечу хлопками: – Bravo! Мир!
 Капитан – красивей нет
 на свете,
 Пусть, его послушная рукам,
 Музыка летит по всей планете,
 Птицею взмывая к небесам!
 В этот час, за страшным ураганом,

За чертой, где слёзы, кровь
и стон,
Жизни Торжествующим

– Ну, всё. Небось, вам надоело?
– Нет, дядя Гриша, ты – талант.
Не просто любишь это дело,
А настоящий музыкант!

Органом
Всем звучал простой аккордеон.

3.

– До музыкантов далеко мне...
Они, сам знаешь, на виду.
А я лишь так... Войну припомню,
Возьму – и душу отведу...

СЛАВА СИБИРЯКОВ

На закат, где пылал горизонт,
В сорок первом, по солнечной шире
Уезжали мальчишки на фронт
Из таёжного края – Сибири.
Уезжали от школьной скамьи,
Став по зову Отчизны бойцами,
И отважно вступали в бои,
В бури грозные вместе с отцами...
Мы разбили врага под Москвой,
Мы разбили его в Сталинграде.
Бился насмерть сибирский герой
Ради жизни и Родины ради.
Под Орлом и на Курской дуге
Удержали мы танков лавину.

Устояли в смертельной пурге,
Чтобы двинуться прямо к Берлину.
Было нам тяжело, тяжело,
Где свистела и бомба, и мина.
Много нас, молодых, полегло,
Но живые дошли до Берлина!
И победным парадом в Москве
Снова мир утвердили мы в мире
И под звёздный салют в синеве
Возвратились к любимой Сибири...
Сибиряк, наш герой сибиряк –
Сколько гордости в этом девизе!
Пусть же помнит и новый наш враг
Мощь и крепость сибирских дивизий.

СУВЕНИРЫ

На Эльбе это было, в сорок пятом.
Счастливые, забыв о боли ран,
Увидели друг друга два солдата,
Два парня из союзнических стран.
Коптил фашизм, отброшенный
на свалку,
Стояли двое в пламени, в дыму...
Джон подарил Ивану зажигалку,
А тот – с пилотки звёздочку ему.
Победою венчая путь солдатский,
Как будто не Иван и Джон сошлись –
Россия и Америка по-братски
Во имя мира крепко обнялись.
...Прошли года. И в дни труда

и мира
От встречи исторической вдали
Два скромных, два солдатских
сувенира
Сегодня смысл особый обрели.
Был каждый унесён своей дорогой,
Куда владельцев мирный путь увлёл.
Но отчего-то давнею тревогой
Вдруг вспыхивает синий огонёк.
И зажигалку ту зажав в ладони,
В душе тревогу не гася свою,
Иван всё чаще думает о Джоне:
«А бережёт он звёздочку мою?...»

ПОХОРОНКИ

Редкий дом обошла похоронка –
Скорбный листик бумаги простой.
Дорогая, родная сторонка
Стала в годы войны сиротой.
Приглядишься-ка

вот к этому снимку,
И кого здесь узнаешь, ответь.
...Дядя Глеб с тётей Клавой
в обнимку!
Лишь за месяц, как ей овдовець.

МАМАЕВ КУРГАН

Сюда через годы к подножью
кургана
Посланцами нашей сибирской земли
Приехали в гости войны ветераны
И сажены кедров с собой
привезли...
Стоят ветераны, молчат,
вспоминают,

Как здесь воевали в далёкие дни.
Молчат ветераны, лишь горько
вздыхают:
Погибших друзей вспоминают они...

С кургана Мамаева видятся близко
Кремлёвские звёзды и улочки сёл.
Сибирские кедры – как строй
обелисков,
Как память о тех, кто с войны
не пришёл.
Уж целую вечность мы с ними
в разлуке.
Они – возле Волги, у малых ли рек...
Пускай же солдатские дети
и внуки
Военного дыма не видят вовек!

ЛУНА

По домам, деревьям, в снег одетым,
Разливает сумрак синеву.
Лунный свет с фонарным спорит
светом.
Зимний вечер – сказка наяву.
Воздух в блёстках, с запахом
весенним.
У домов с узорами ветвей –
От луны расплывчатые тени
И чуть-чуть темней от фонарей.
Вижу счастье парочки влюблённой,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумлённо.
– Ах, какая славная луна!
И с чего – не знаю, только снова
Вспомнил ночь далёкую одну...

В темноте, нахмурившись сурово,
Проклинали злобно мы луну.
Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И – плохи дела.
Под луной мы все – как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..
Много мирных солнечных рассветов
С той поры вставало над землёй.
Верный друг влюблённых
и поэтов,
Лунный диск, свети во тьме ночной!
Пусть никто тебя не проклинает.
Пусть всегда, в любые времена
Чей-то голос тихо восклицает:
– Ах, какая славная луна!

Покидают тихо жизни праздник
Те, чьё имя: бывший фронтовик.
Самый молодой войны участник –
Сын полка – и тот уже старик...

Вот газета. Там, где про осадки,
Про театр и фильмы строчек строй,
Траурные рамки – как оградки
Над могилой, над землёй сырой...

Каждый день встречаемся мы
с ними
Всюду и везде, где жизнь шумит,
С этими людьми немолодыми,
Часто неприметными на вид...
Вот идёт в толпе с тобою рядом
Пожилой, сутулый гражданин.
А ведь он в бою под Сталинградом
Роту немцев сдерживал один!

Вот седой, с рассеченною бровью,
Открывает дверцы нам шофёр.
А когда-то в снежном Подмоскovie
Он крушил эсэсовцев в упор!
А вот тот, с ногой скрипящей
странно,
«Юнкерса» таранил под Орлом!..
Всем вам, боевые ветераны,
Мы поклон свой низкий отдаём.

Он с фотокарточки смеётся,
Такой счастливый, молодой...
А в поле, где позёмка вьётся,
Над ним – лишь столбик
со звездой.
И ничего здесь не поправит...
Он был ровесником моим.

Но не могу никак представить
Его и старым, и седым.
Глядеть на снимок – сердцу больно,
В нём острой горечи комок.
И вопреки всему невольно
С губ так и просится: – Сынок...

ПАХАРЬ

Он помнит то давнее лето,
Что буйно цвело у окна.
Был громом в тиши сельсовета
Звонок телефонный: – Война!..
И в голос все бабы завывли,
Детишки испуганно – в крик...
А утром – лишь облако пыли,
Кормильцев увёз грузовик.

Не думал он, пахарь, когда-то
В своей полевой тишине,
Что в жёсткой шинели солдата
Пройдёт по великой войне.
Доныне всё видится-снится,
Как «тигры», один к одному,
Идут, подминая пшеницу,
Как будто идут по нему...

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

(Отрывок)

...А мне под шёпот листопада
На память давнее пришло.
...Вдали гремела канонада.
Горело русское село.
Катились мимо танки, пушки,
Чтоб справить наше торжество.
Мы ж хоронили на опушке
Солдата, друга своего.
Он самым первым из десятка
В село ворвался, знамя взвил.
Кровь запеклась под русой
прядкой...
Как мало он на свете жил!
Молчал юнец, белей извёстки,
Окончив свой короткий путь.
И лист, сорвавшийся с берёзки,
Медалью лёг ему на грудь.
А сколько их, таких медалей,
Сложил на холмик листопад,
Когда мы залп последний дали,
Сказав: «Прощай, наш друг и брат!»

...А время мчит. Оно крылато.
С чего же нынче, в мирный день,
Того убитого солдата
Передо мной мелькнула тень?
Покоем лес осенний дышит,
Весь так и светится, горя,
Как будто золотом он вышит –
Любимым цветом сентября.
Приятна русскому картина
Природы, сердцу дорогой, –
Не заграждений паутина,
А паутинка над стернёй.
Хотим мы видеть над полями
Не взрывов тёмные кусты,
А золотых деревьев пламя
Необычайной красоты.
Над головою неба просинь.
Даль и пустынна, и светла.
Прощаясь с тёплым летом, осень
Знамёна жизни подняла...

Всему и всем на свете свой черёд...
Когда гремел по полю взрыв
за взрывом,
В атаку поднимались мы
с призывом:
– За Родину, за Сталина, Вперёд!

И тот призыв с Победой,
с жизнью слит.
Теперь, когда за далью канонада,
Его переиначивать не надо.
Так нам
Сама История велит.

... За счастье жить судьбу благодарю,
О юности израненной не плача.
Душой по-молодому вновь горю.
А было очень трудною задачей
Не очерстветь, не огрубеть
в бою,
Не потерять к добру любви горячей.
Но мы в победу верили свою.

Мы знали: будет так, а не иначе.
А скольким уцелеть не удалось!
Мы хоронили их, сердца сжимая,
На недруга обрушивая злость,
Предвидя праздник солнечного Мая.
Земля, где проливать нам кровь
пришлось,
Люблю тебя, земля моя родная.

*(12-й сонет из Венка сонетов «Золотая осень»,
посвящённого Юрию Дмитриевичу Баландину, фронтовику,
журналисту).*

СЛОВО ХЛЕБОРОБА

Когда разбойничьим налётом
Встревожил Гитлер наш
рассвет,
Я был мальчишкой
желторотым,
Мне было только восемь лет.
Отец молчит. А мать всё плачет.
Видать, обоим тяжело.
Я думал: «Что всё это значит?
Какое горе в дом вошло?»
Мужчин в селе не стало вскоре,
Война... Невесело в селе...
И понял я: случилось горе
У всех людей, на всей земле.
И это горе в полной силе –
Хоть мир, как прежде, был хорош –
Мы, даже дети, ощутили,
Когда поспела в поле рожь.
В правленьё говор: – Жать пора бы...
– А жать-то некому почти.
– Лишь старики одни да бабы...
– Ох, нелегко дела вести!
Я огорчался, помню, очень,
Обидно было мне до слёз,
Что не могу ничем помочь им,
Что мал годами, не дорос.
А рожь-то, рожь – до горизонта.
Не видно края полосе...
– Для наших воинов, для фронта
Хлеб уберём! – решили все.
Нашлись дела и нам, ребятам, –
Колосья с поля убирать.
... Отец вернулся в сорок пятом.
Помолодела снова мать.

С тех пор, как Гитлера разбили,
Воды немало утекло.
Опять в колхозе – изобилье.
В садах, в огнях моё село.
Всё есть у нас. Живётся славно...
Мечтаем, учимся, творим.
Я комбайнёром стал недавно
И говорят, что неплохим.
Теперь и я хозяин в поле.
Тружусь со всеми наравне.
Доволен я! Но поневоле
Нет-нет и вспомню о войне.
Опять грозят нам «мёртвой хваткой».
Опять враги подняли вой.
Хотят, чтоб мать была солдаткой,
А может статья и вдовой.
Чтоб самолёты, а не птицы
Кружились в синей вышине;
Чтоб трассы пуль, а не зарницы
Сверкали в нашей стороне;
Чтоб не резвились наши дети,
А превратились бы в калек;
Чтоб всё, что любим мы на свете,
Под пеплом сгнуло навек.
Подумать лишь – враги мечтают
Союз Советский покорить!
Уж диверсантов обучают
По-русски «чай пить» говорить...
Нет! Не дадим мечте их дикой
Осуществиться никогда!
Мы все – от мала до велика –
На страже мирного труда.
1952

СТАРШИЙ БРАТ

Подтвердилось истории ходом:
В новой жизни, в труде, на войне
Вместе с русским великим народом
Всякий – крепче, сильнее вдвойне.

И любой – словно брат ему кровный,
Рядом с ним и не прост, и не мал.
И недаром когда-то Верховный
Гост за русский народ поднимал.

Легко на воле дышится,
Не воздух – сладкий сок.
Вдруг «папа, папа!» слышится
Родной мне голосок.
В цветах – панамка белая.
Дыханье затая,
Глядит вокруг, несмелая,
Светлана, дочь моя.
Наверно, очень жуткими
Ей кажутся кусты.
Синеют незабудками
Глазёнки: «где же ты?»
– Ау! – кричу шутливо я.
Увидела меня!
Бежит ко мне, счастливая,
Забавно семеня...

И в памяти жестокая
Картина ожила...
Такая ж синеокая
Та девочка была.
На поле распростёртая,
В таких же вот цветах,
Она лежала – мёртвая –
С игрушкой в руках.
А птица с чёрной свастикой
Над ней, звеня, вилась.
Светланой или Настенькой
Та девочка звалась?..
Мы помним все лишения...
И горе тем врагам,
Кто новые сражения
Готовит нынче нам!

Могут посчитать, что ловим блох мы,
Говоря об этом в сотый раз:
У артистов – битловские лохмы,
А ведь фильм-то про войну,
Про нас.
Пусть играешь маленькую рольку,

Всё – до стрижки! – правдой быть
должно.
«Полубокс» любили мы
И «польку»,
А не патлы эти, что в кино.

УДИВЛЯЛО НЕМНОГИХ...

Сразу после войны удивляло
немногих:
Среди шумного люда в базарные дни
Часто видели мы инвалидов безногих
– На дощечках колёсных катались
они.
А теперь, к удивленью,

их видно не стало,
Будто все под крутую попали
волну...
Да, как мало им мирное солнце
сияло,
Ненадолго они пережили войну.

КИНОХРОНИКА

Смотришь кинохронику военную –
И дивишься снова, как тогда:
Ох, какую силищей страшенною
Шла на нас фашистская орда!

До сих пор, наверно, непонятною
Кажется иным России суть:
Как она смогла – невероятное! –
Этой силе голову свернуть?

ТРЕВОЖЕН МИР

Гул самолёта ловит ночь глухая,
Напоминая давнюю грозу,
Где «юнкерс» выл, прерывисто
вздыхая,
Как говорил: Везу-у, везу-у, везу-у...
Мы и без воя знали,

что он вёз-то:
Груз для бомбёжки,
не дровишек воз...
Пора забыть бы это,
да не просто:
Тревожен мир от ядерных угроз...

ВСЕГО ОБИДНЕЙ

Всего обидней было на войне:
С передовой сближаясь понемножку,
Идти туда, где всё в дыму, в огне,
И вдруг... попасть
Под страшную бомбёжку...
Отхлынет шквал.

И кто-то, полный сил,
Уже не вскинет дуло автомата.
Шёл драться, мстить,
Но так и не сразил
Ни одного фашистского солдата.

В МАГАЗИНЕ

– Ты почему без очереди, дед?
– Я инвалид войны. Имею право.
А тот, в броню бездушия одет:
– Поразвелось вас! Прётё!
Слева, справа!..

И в очереди шум – кто за кого.
В лице у инвалида лишь усталость.
Все силы отдал фронту – ничего
Для спора и отпора не осталось.

Через что мы шагнули –
Знаем с жизнью вдвоём.
И осколки, и пули
Носим в теле своём.

Нас недугам не жалко,
Но владеем собой...
Фронтная закалка
Много крепче любой.

С ДУМОЙ О ПОБЕДЕ

(к 40-летию Победы)

Далеко в былом – печали, беды...
Мы вступили друг, товарищ мой,
В год сорокалетия Победы
Над фашистской страшною чумой.
За окошком с кружевом-узором
Зимний день спокойный. Но опять
Вся война сегодня перед взором –
Год за годом и за пядью пядь...
Не забыть июнь с его цветами,
Не забыть, как, всё пуская в ход,
Вражья сила чёрными крестами
Зачеркнула розовый восход.
Как та сила, обагрывая кровью,
Шла и шла лавиной огневой...
Вот уже пробилась к Подмосковью,
Вот уже под самую Москвой...
Но – приказ: парадом, так как надо,
Октября отметить торжество!..
Прямо с Красной площади, с парада
Шли в бои участники его...
В оборону – с надолбами, рвами –

Клятву дали сердцем, не словами:
Не отступим больше ни на шаг!
Здравствуй, весть: в сражении
смертельном
Враг разбит, разгромлен под
Москвой!
Кто лежит под саваном смертельным,
Кто бежит, от страха сам не свой...
А потом – разгром под
Сталинградом,
А за этим – Курская дуга,
Та дуга, что под снарядным градом
Обломала у врага рога.
Гнали мы его, идя по следу.
Каждый год в движении прямом
Приближал великую Победу,
Ту, в Берлине, в логове самом!
Нелегко далась Победа эта,
Но она пришла, взяла своё!..
Даже зимний день в разливе света
Светится снегами в честь неё.

КОГДА ПРОЙДЁТ В ДУШЕ НЕВЗГОДА

Разбирая архив М. Небогатова, я, к удивлению своему, обнаружила в его шкафу рукописный сборник. Михаил Александрович рассказывал мне, что после тяжёлого ранения лежал в госпитале в грузинском городе Боржоме, и там родилась серия стихов. Правая рука была изранена и не действовала, работал левой. Я была удивлена, каким каллиграфическим почерком (это левой-то рукой!) написан весь сборник. Оформлен аккуратно, словно хорошим переплётчиком. Текст читается легко, свободно, нигде ни единой пометки. А ведь этой рукописной книжке 50 с лишним лет. Многие стихи посвящены неповторимой природе прекрасной Грузии, её гостеприимным людям. И всё-таки даже там, в тихом благословенном краю, он не мог не писать о войне, где остались его товарищи по оружию, где продолжались страшные бои.

Стихи из этого найденного сборника я и предлагаю читателю.

Мария Небогатова.

ВОЗДУШНЫЙ ОБСТРЕЛ (ЛЕТО, 1941)

Когда, прижимаясь к земле
Щекою, беспомощным телом,
Зажмуренный, словно во мгле,
Лежишь под воздушным обстрелом,
– Вся память твоя и душа
Пронизаны тем ощущеньем,
Тем чувством, что жизнь хороша
Любим своим кратким мгновеньем.
Любим, даже этим, когда
Вдыхаешь ты запах землицы,
И все, что прожиты, года –
Не зори, а только зарницы.
Так краток их издали блеск,
Мелькнули – не видно их боле.
А с неба – стремительный треск,
Он слит с ожиданием боли.
А может, не будет её,
Всё будет гораздо короче –
Кольнёт только сердце твоё
И весь ты – в бездонности ночи?
Мгновенна и жалость к себе,
И грусть о живущем мгновенна...

– Отбой! – Донесётся к тебе.
Приходишь в себя постепенно.
Колонна опять на ногах,
И «мессеров» как не бывало.
Всё стихло. И только в висках
Гул крови, как после обвала.
И рад, несказанно ты рад,
Что смерть обошла стороною;
Что видишь чуть дымный закат,
Чуть тронутый страшной войною;
Что можешь ромашку сорвать,
Смотреть на неё неотрывно;
Что степь эта – родина-мать,
Где всё, до росинки, так дивно.
И веришь: ещё поживём,
Походим, побродим по свету,
Лишь только врага разобьём,
Ликуя, что «мессеров» нету.
А те, что прожиты, года
Увидишь иными ты вскоре:
Они пред тобой, как всегда,
Не просто зарницы, а зори...

*Июнь 1941. На марше.
Район г. Броды*

С ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Ты живёшь в тылу далёком,
в тишине.
Летним вечером вздыхаешь обо мне.
Долго смотришь молчаливо
на закат.
Листья тополя печально шелестят.
Кто-то тропкою знакомою идёт...

Это юноша похожий, да не тот...
«Ах, зачем так быстро счастье
пронеслось:
Ничего мне не осталось,
кроме слёз.
Что-то милый мне не пишет ничего.
Может быть, уже на свете нет его?»

Может быть, с глубокой ранюю
в виске
Он лежит под солнцем жгучим
на песке.
А кругом него орудия гремят,
Скачут взрывы от снарядов
и гранат.
И не слышит и не видит милый мой,
Как друзья его выигрывают бой...»

Нет, родная, я воюю и живу,
И, как немца бьём, я вижу наяву.
Но хотя сильны советские войска,
Враг сильнее – отступаем мы пока.

И хотя прошу тебя: не плачь, а жди,
Я не знаю, что там будет – впереди...

Июль 1941 г. Прилуки

ГОСПИТАЛЬ В Г. СОЛЬ-ИЛЕЦКЕ

1. Брату Григорию

Где ты, мой брат, единственный,
любимый?
Никто из нас не знал, что год назад
Тяжёлые пути войны неумолимой
Из дому ведут, надолго разлучат.
Ты в памяти встаёшь – высокий,
стройный,
С грустинкой в голубых больших
глазах.
Что делаешь ты в этот полдень
знойный,
В каких, братан, сражаешься местах?

Где б ни был ты – мы оба общим
делом
Сейчас сроднились, родине верны.
Всегда ты был спокойным, честным,
смелым,
Такой же – верю – на фронтах войны.
Где б ни был ты – я верю
в встречу нашу.
Сойдёмся все и сядем за столом.
За жизнь и за победу выпьем чашу,
Споём, как прежде, вспомним
о былом.

Июль 1942

2. Подруге

Если в чёрные дни, что набросили
тень
На свободу, на труд, на любовь,
Помнишь ты хоть один голубой,
ясный день,
А припомнив, волнуешься вновь;
Если ночью, проснувшись, подолгу
сидишь
У окна в непонятной тоске
(Только ходики будят спокойную
тишь,
Лунный лучик лежит на руке);

Если письма, читая, на столик
кладёшь
С фотокарточкой рядом моей,
В час, когда на гулянье идёт
молодёжь,
Не спешишь на сиянье огней –
Значит, милая, славная, любишь
и ждёшь,
Значит, слово не зря ты дала.
Жди меня, дорогая, и в стужу
и в дождь,
Как когда-то под вечер ждала!..

Июль 1942

3. В ПОЛДЕНЬ

Если надоест тебе в палате
Спать, читать, валяться на кровати,
Выходи во двор.
Ты можешь там
Побродить по травам и цветам.
Если любишь солнце – скинь
рубашку.
Или – просто ворот нараспашку.
Можешь, где ромашки, лопухи,

О природе сочинять стихи.
Скоро будет вновь не до неё –
Карандаш ты сменишь на ружьё...
Хорошо лежать в траве полынной,
Облака глазами провожать,
Чтобы этот полдень –
Знойный, длинный –
В зимний день в окопе вспоминать...

Июль 1942

В ГОСПИТАЛЕ

Забуду ль я когда-нибудь,
Когда пройдёт в душе невзгода,
Про весь бредовый, сложный путь,
Какой прошёл я за два года?
Теперь, пока грозы уж нет,
Пока опасность миновала,
Я удивляюсь, что не сед,
Что юность восторжествовала.
Всё это сон. Не может быть,
Чтоб эти руки убивали!
Они ль, когда я мог любить,
Так нежно девушку ласкали?
Да, это сон. Тяжёлый сон.

Он полон страшного кошмара.
Когда я буду разбужён,
Когда очнусь я от удара?
Смогу ли я ещё любить,
Жалеть и плакать, так, как прежде,
Весёлым быть, мечтать и жить,
Вверяясь счастью и надежде?
Не знаю. Но пока судьбой
Я точно предан злomu змею:
Смеюсь над всеми и собой,
Но прежним быть ещё не смею.

1943 Боржом

ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Вас бы встретить надо
по-другому –
За богатым праздничным столом.
Вам, Герою, гостю дорогому,
Поднести бы дар – бокал
с вином.
Чтоб звучали в честь Героя тосты,
Чтоб поэт поздравил Вас
в стихах.
Мы ж встречаем Вас, товарищ,
просто:
С чувствами горячими в сердцах.

Не слышать ни тостов,
ни оркестра,
Не беда, что нету и вина.
Жизнью управляющий маэстро
Над страной стоит сейчас война.
Почестей Вы больших заслужили.
Но – простите нашу простоту.
Многие сегодня оживили
Давнюю заветную мечту.
Увидать Героя всяк мечтает.
Но в бою случается порой –
Человек дерётся и не знает,
Что он сам и есть живой герой.

1943

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Все войны свой конец имеют,
И эта кончится война.
Вначале словно немеют
Просторы, где была она.
Последний раз провоет миной,
Просвищет пульей – и конец.
Над речкой, сопкой и равниной
Умрут железо и свинец.
Никто, наверно, не поверит
Счастливой яви, точно сну,
И каждый вечностью измерит
Ту фронтовую тишину.
Растает дым над полем боя,
И с величавой вышины
Увидит небо голубое

Следы ужасные войны.
Войдут в историю навеки
Дела сороковых годов.
Текут, алая кровью, реки,
Чернеют груды городов.
Опишет в будущем историк
Неповторимый путь борьбы,
Который был тяжёл и горек,
Как испытание судьбы.
И будет памятник построен
Незабываемый навек:
Стоит бессмертия достоин
Непобедимый, грозный воин –
Великий русский человек.

1943

ПИСЬМО

Письмо. Держу его в руке.
Что в этом маленьком конверте?
Конечно, грусть в любой строке,

А вдруг и весть о чьей-то смерти?
Вскрываю, Родиной дыша,
Слова мелькают предо мною.

И наливается душа
Желаньем встречи и тоскою.
Люблю такие письма я,
В которых пишут – все здоровы.
Опять все дома ждут меня
И встретить с радостью готовы.
Родные! Жалко очень вас –
Сейчас ещё я не отвечу,
Когда пробьёт победный час,

Который нам объявит встречу.
Как жаль старушку-мать мою,
Она о сыне часто плачет.
Чем успокоить мне родню?
Мол, жизнь моя не много значит?
Нет! Тем, что буду жив-здоров
И обязательно приеду.
И уж тогда без лишних слов
Мы все отпразднуем победу!

1943

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
Зной плывёт, струится над землёй.
Ты лежишь, прислушиваясь к вою
Мин, летящих прямо над тобой.
Говорят, попав на фронт впервые,
Все боятся смерти каждый час.
Не страшны, мол, грозы фронтовые,
Тем, кто в бой идёт не в первый раз.
Мол, привычка... Глупости. Не
верьте.
Бой – он бой, не летняя гроза.
Как же так привыкнуть можно
к смерти,
Даже если смотришь ей в глаза?
Смерть повсюду – в тонком свисте

пули,
В вое мин, который душу рвёт,
В жуткой песне бомб,
в моторном гуле –
Смерть тебя на каждом месте ждёт.
Но когда ты, оглушённый боем,
Помнишь назначение своё –
Ты стремишься даже стать героем,
Побеждаешь смерть, забыв её.
После, как утихнет канонада,
Ты, сидя в немецком блиндаже,
Улыбнёшься: «Всё прошло как
надо».
И спокойно снова на душе.

1943 Боржом

ПОЛДЕНЬ

Природа здесь необычайна:
Она и осенью цветёт.
Осенний дождь, как гость
случайный,
Недолго хмурит небосвод.
Здесь солнце – царь любимый юга.
И под огнём его лучей
Не отыскать вернее друга
И ласки этой горячей.
А небо! Хоть его немного
В огромных стенах многих гор,
Но горизонт обняв полого
Стихиям бурь наперекор,
Оно цветёт прозрачно-сине

И нет ни облачка на нём.
Мы ни в глазах, ни на картине
Такого цвета не найдём.
Я знаю – будет сердцу дорог
Вид здешних тропок и дорог.
В безлюдных горных коридорах
Шум рек, камней и листьев шорох,
И свежий горный ветерок.
Но не изменит сердце вечно
Тебе, родной сибирский край,
Хотя бы ты был ад крошечный,
А здешний мир – волшебный рай.

1943 Боржом

ЕЩЁ ПИСЬМО

Будто ветер с детства мне знакомый
Вдруг подул с родимой стороны.
Снова, страстью старую влекомый,
Слышу сердцем, обнятый истомой,
Голос недалёкой стороны.

Милая! Одно лишь твоё имя
Сбрасывает все печали с плеч.
Никакими звонкими другими
Именами сердце не привлечь.
В зной и в стужу, с немцами воюя,

Жил я с этим именем родным.
Никогда его не разлюблю я,
Никогда я не расстанусь с ним.
Помню, как на маршах и в походах
Падал духом, выбившись из сил.
Ты меня спасала, точно отдых,
И с тобой я всё переносил.
«Брось ты унывать, журиться,
Мишка! –
Говорил я часто сам себе. –
Офицером стал, а всё мальчишка.
Что она сказала б о тебе,
Вдруг увидев мрачного такого?
Ты бы сам смеялся над собой!»
Устыдившись, я бодрился снова,
Будто вправду встретился с тобой.
Ты всегда была со мною рядом,
Первая надежда и любовь.

В смертной буре под свинцовым
градом
За тебя, за жизнь я пролил кровь.
Мне порою было не до писем,
Но любовь жила во мне всегда.
От неё, родная, я зависим
Даже в эти чёрные года.
И хотел бы я сейчас поверить,
Что, быть может, я ещё любим.
Чем такое счастье мне измерить?
Что сейчас сравниться может с ним?
Это счастье – повидаться скоро
(До того любовь моя сильна) –
Не отдам я за златые горы
И за реки, полные вина!

*17 ноября 1943 г.
Госпиталь в г. Боржом-Ликани*

ОГОНЬ

Тому, кто не был с нами дружен,
Мы говорили: нас не тронь.
Но враг напал... И мир разбужен
Командой властной: – Огонь!
И в этом слове – кратком, твёрдом –
И месть, и гордость, и печаль.
– Огонь! – Навстречу чёрным ордам
Метелью смерти воеет сталь.

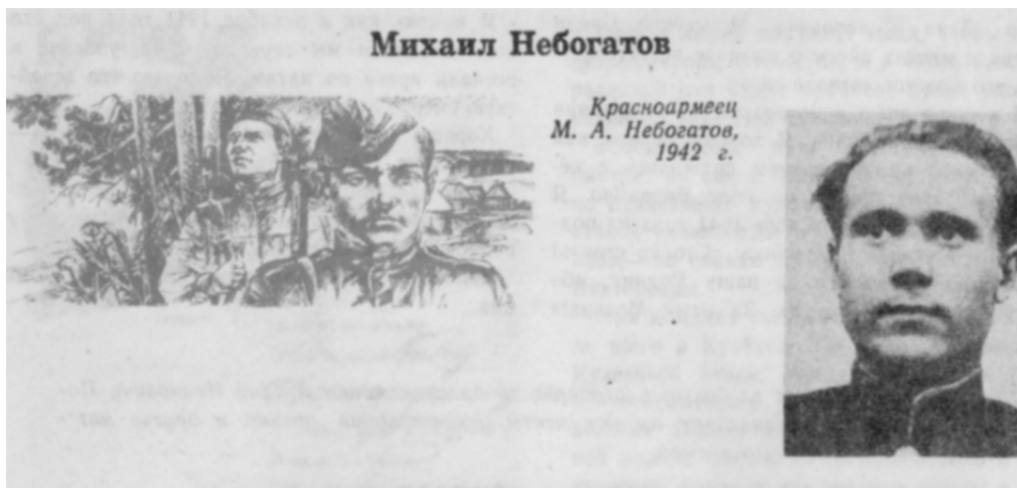
– Огонь! – И танк с крестом, пылая,
На месте крутится, как волк.
Куда девалась прыть былая –
Стрельнул разок и замер, смолк...
– Огонь! – Грохочет под Москвою,
И воском тает прусский клин...
И вот средь грохота и воя:
«Огонь!» – врывается в Берлин!

Май 1945

*** **

Не обойдёшь сторонкою в беседе
Год сорок первый, горестные дни.
Как ни светлы раздумья о победе,
В них не одни салютные огни...
На быстроту прорывов, окружений
Был мастер враг коварный,
что скрывать.
И на уроках наших поражений
Мы на ходу учились воевать.
Когда врага по гатям, перевалам
Погнали мы лесами, среди долин,
Его же салом били по мусалам,
По-русски вышибая клином клин!..
Пути войны – вначале
к Подмоскovie,

Потом к Берлину в холод, слякоть,
зной –
Обагрены великой нашей кровью,
Оплачены огромною ценой.
Не счесть героев – будь земля им
пухом,
Что полегли под холмики, холмы...
Броня – бронёй. Но кто сильнее
духом,
Тот победил. А победили мы!
Пусть много лет сияет мир весёлый,
Нам не забыть, какая битва шла,
Какой из сорок первого тяжёлой
Дорога в сорок пятый год была.

// Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2. – С. 36.

Форма № 16 УВВ

СПРАВКА

Штамп
медицинского
учреждения

Дана 22 ноября 11628 с.п.
(военное звание) (наименование войсковой части)

ТОВ. 3 Небогатову
(фамилия)

Михаилу Александровичу
(имя) (отчество)

в том, что означенный тов. Небогатов М. А.
(фамилия и инициалы)

находился на излечении в 3/2 1568
(наименование медицинского учреждения)

с 18 августа 1943 г. по 22 ноября 1943 г.

по поводу (писать по-русски) Сведения 2 и 3 и отсутствие
подробный диагноз ранения (болезни, травмы и т.д.)

4 и 5 пальцев правой руки

Небогатов
 Мух. Ал-ур,
 ~ 1946-1947г

КОМИТЕТ ПО РАДИОФИНАНСИ И РАДИОВещанию ПРИ НЕМЕРОВСКОМ ОБЛАСТНОМ КОМИТЕТЕ

Удостоверение № 8

Предъявитель тов. Небогатов Михаил Александрович
 является заведующим корреспондентской сетью
 радиокомитета при исполкоме Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся.
 Действительно по 31 декабря 1949 г.
 Пред. обл. радиокомитета 12 сентября 1949 г.

Срок продлен до 31 декабря 1949 г.
 Управделами

Срок продлен до _____ г.
 Управделами

Срок продлен до _____ 194 г.
 Управделами

Личная подпись _____

01309 г. Кемерово, тип. газ. «Кузбасс». Заказ № 25
 КОКМ ОФ 15503/Б

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Удостоверение

Предъявитель сего тов. Небогатов М.А.
 работает в Кемеровском областном книжном издательстве в должности редактора художественной литературы
 Действительно по 31 декабря 1957 г.
 М. П.
 Директор книжного издательства

Срок удостоверения продлен до _____

Секретарь _____

Личная подпись _____

Заказ 4499
 КОКМ ОФ 15503/Б

Слова Михаила Небогатова

Музыка Эдуарда Казакова

СЛОВО ФРОНТОВИКА

Лишь память тронь: дым, огонь.
В ^{рассветный} ^{июнь} июньский час рассвет погас.

Сраженья шли кровавые.

Гибли, гибли сотни нас.

Припев:
За мир на свете, ^{вместе} за Родину свою
Мы отдавали жизнь в бою.

Был враг силен, брал в полон.
Он нас, жесток, гнал на восток.
Но под Москвой-столицей
В буре смертной в землю лег.

Припев.

Был Сталинград - сто преград.
На берегу - конец врагу.
Назад от Волги-матушки
Он бежал, тонул в снегу.

Припев.

Врага смолот Курск, Орел.
Погост машин - среди долин.
Пошли мы в наступление
Прямо, прямо на Берлин!

Припев.

Повержен враг: взят рейхстаг!
Дыхнет люд, гремит салют!
Но в наши годы новые
Новый недруг так же лют.

Припев.

- 2 -

Мой юный друг, мир вокруг.
Но кровь пролить грозит он вновь.
Будь твердым, зорким, бдительным,
Береги к земле любовь!

Припев:

За мир на свете, за Родину свою
Мы отдавали жизнь в бою.

Слова Михаила Небогатова

Музыка Эдуарда Казакова

ВОСПОМИНАНИЕ СОЛДАТА

Лишь память тронь: дым, огонь.

В рассветный час юнь погас.

Сраженья или жестокие,

Гибли, гибли сотни нас.

Припев:

За мир на свете, за Родину свою

Мы отдавали жизнь в бою.

Снаряды били по юным и седым,

~~Но каждый верил: мы победим!~~

За шагом шаг Света и мира
~~За боем бой. Свист и вой.~~ *Н.И.О.Т.*

Смерть на ходу - в одном ряду.

~~Нам сном сегодня кажется~~

Кровь и ужас в том аду.

Припев.

Сквозь пыль дорог, боль тревог

В Берлин мы, друг, пришли не вдруг.

Не счесть потерь товарищей,

Где пожараща вокруг.

Припев.

Не гасни, свет, тех побед!

В душе страда того труда.

Вовеки не забудутся

Грозной юности года.

Припев:

За мир на свете, за Родину свою

Мы отдавали жизнь в бою.

Снаряды били по юным и седым,

Но каждый верил: мы победим!

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Предисловие</i>	5
Воспоминания солдата (песня)	6
Апрель 1941-го («Апрель был солнечно-беспечным...») // В кн.: Вечерние огни. – 1989. – С. 34.	7
«Апрель сорок первого года...» // В кн.: Перепёлка. – 1988. – С. 47.	7
«Ещё когда босые по ромашке...» // В кн.: Земной поклон. – 1976. – С. 8.	7
«Призывники, мы так немного...» // Вечерние огни. – 1989. – С. 36.	7
В ночь на 22 июня 1941 года // Огни Кузбасса. – 1995. – С. 21.	8
«Всю жизнь перед глазами, как живой...» // Вечерние огни. – 1989. – С. 41.	8
Никто не знал // Земля моя добрая. – 1984. – С. 9.	8
Путь отступления постыл... // Земной поклон. – 1976. – С. 11.	8
Лето 1941-го («Целый день по жаре отступая...») // В кн.: Вечерние огни. – 1989. – С. 40.	9
На исходном рубеже // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 16.	9
«Прифронтовая полоса...» // В кн.: Вечерние огни. – 1989. – С. 56.	9
Танки // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 24.	9
«Мы жили с весны на степном полигоне...» // В кн.: Лето. – 1981. – С. 59.	10
После боя. // В кн.: Времени река. – 1991. – С. 28.	10
Ничейная полоса. // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 15.	10
Дневник. // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 19.	10
На привале. // В кн.: Михаил. Небогатов. Поэт. Дневниковые записи разных лет. – С. 174.	11
На передовой. // В кн.: Земной поклон. – 1976. – С. 14.	11
Я хочу, чтобы был жив лейтенант! (Очерк о комроты). // Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2. – С. 38-39.	11

Ротный. // В кн.: Вечерние огни. – 1989. – С. 37.....	12
«Случайно в мемуарах генерала...». // Кузбасс. – 1977. – 7 ноября. – С. 2 (Статья «Славные вехи»).	13
Подмосковье, 1942. // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 20.....	13
Вода. // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 17.....	13
«Недвижны орудья и траки...». // После 12. – 1996. – № 2. – С. 47.....	13
Не забыть. // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 12.	13
Пуля. // Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 25 ноября. – С. 3.	14
В наступлении. // Кузбасс. – 1986. – 23 февраля. – С. 4.....	14
«На версту растянулась колонна...» // В кн.: Лето. – 1981. – С. 55.....	14
Смертная метка // Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 22 июня. – С. 2.....	14
«Ночью был об отходе приказ...» // После 12. – 1996. – № 1-2. – С.47.....	15
По пути к передовой. // Кузбасс. – 1986. – 9 мая. – С. 4.	15
Сонет («Год сорок третий. Госпиталь в Боржоми...»). // В кн.: Перепёлка. – 1988. – С. 58.....	15
Солдат с ребёнком (Н. И. Масалову). // В кн.: Свет в окне. – 1969. – С. 38.....	15
Фронтная служба. // В кн.: Свет в окне. – 1969. – С. 117.	16
Вечный огонь. // В кн.: Спасибо сентябрю. – 1972. – С. 19.....	16
Достойны ли... // Кузбасс. – 1976. – 9 мая. – С. 3.....	17
Моё поколение. // В кн.: Благодарю, благодарю... - 1995. – С. 17.....	17
Уроки войны. // В кн.: Времени река. – 1991. – С. 78.....	17
«Один почёт всем, бурей опалённым...» // В кн.: Перепёлка. – 1988. – С. 72.....	17
Из лирической поэмы «Весна» // Кузбасс. – 1976. – 17 апреля. – С. 4.....	17
Во имя жизни. // В кн.: На берегах Томи. – 1953. – С. 57.....	18

Откликнитесь! // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 14.	18
Песня героя (Памяти воина-сибиряка Б. Богаткова). // В кн.: Моим землякам. – 1958. – С. 16.	18
Наша Вера (К. Л. Волошиной, матери прославленной партизанки). // В кн.: Моим землякам. – 1958. – С. 17.	19
На улице Героя (Дважды Герою Советского Союза Афанасию Шилину). // В кн.: Моим землякам. – 1958. – С. 23.	19
«Он был на фронте все четыре года...» // В кн.: Вечерние огни. – 1989. – С. 57.	20
На постое («Он на ночь здесь...»). // Огни Кузбасса. – 1995. – С. 22.	20
«Она любовь другим дарила...» // В кн.: Перепёлка. – 1988. – С. 70.	20
Старый солдат (триптих). // В кн.: Свет в окне. – 1969. – С. 16.	20
«...Выли бомбы, сыпалась щебёнка...» // В кн.: Земной поклон. – 1976. – С. 21.	21
На постое («Хаты белые в садах...») // Огни Кузбасса. – 1976. – № 3. – С. 15.	21
Победа, Мир, Весна... (акrostих) // Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 9 мая.	22
Пленные. // Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 25 ноября. – С. 3.	22
«Мы по-пластунски – носом в пыль – пахали...» // Кузбасс. – 1973. – 23 февраля. – С. 4.	22
«Сказать мне слово доброе охота...» // Кузбасс. – 1973. – 23 февраля. – С. 4.	23
Из военной тетради: «Наверно, не раз на войне вам...»; «Фронтовые письма-Треугольники...»; «Друг-солдат, познавший тьму невзгод...»; «Столько лет без войны...»; «Фронтовик со «знаком ветерана...»; «Однокашники лет грозовых...»; «На побывку прибыл юный воин...»; «Как старались немцы силы выжать...»; «Прижал нас к полю свист сквозной...»; «Как жаль: из строя вывело раненье...» // Кузбасс. – 1981. – 4 октября. – С. 4.	23
Воины России. // Кузбасс. – 1982. – 7 мая. – С. 4.	24
Даты. // Кузбасс. – 1986. – 9 мая. – С. 4.	24
Ветеранам. // Кузбасс. – 1986. – 9 мая. – С. 4.	25

Голос сердца (Венок сонетов). // Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 21 февраля. – С. 4.	25
Аккордеон (Памяти брата Григория. Лирическая поэма). // Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 12 июля. – С. 3.	28
Слава сибиряков. // Кузбасс. – 1983. – 9 мая. – С. 1.	30
Сувениры. // В кн.: Родные просёлки. – 1963. – С. 73.	30
Похоронки. // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 14.	30
Мамаев Курган. // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 25.	31
Луна. // В кн.: Родные просёлки. – 1963. – С. 71.	31
«Покидают тихо жизни праздник...» // В кн.: Вечерние огни. – 1989. – С. 111.	31
«Каждый день встречаемся мы с ними...» // В кн.: Земной поклон. – 1976. – С. 28.	31
«Он с фотокарточки смеётся...» // В кн.: Земной поклон. – 1976. – С. 7.	32
Пахарь. // В кн.: Времени река. – 1991. – С. 27.	32
Прощанье с летом (отрывок). // В кн.: Родные просёлки. – 1963. – С. 57.	32
«Всему и всем на свете свой черёд...» // В кн.: Вечерние огни. – 1989. – С. 52.	32
«За счастье жить судьбу благодарю...» (12-й сонет из Венка сонетов «Золотая осень», посвящённого Юрию Дмитриевичу Баландину, фронтовику, журналисту). // Кузбасс. – 1972. – 23 февраля. – С. 4.	33
Слово хлебороба. // В кн.: На берегах Томи. – 1953. – С. 62.	33
Старший брат. // В кн.: Земля моя добрая. – 1984. – С. 22.	34
«Легко на воле дышится...» // В кн.: Моим землякам. – 1958. – С. 74.	34
«Могут посчитать, что ловим блох мы...» // В кн.: Перепёлка. – 1988. – С. 71.	34
«Удивляло немногих...» // Кузбасс. – 1980. – 9 мая. – С. 4.	34
Кинохроника. // Кузбасс. – 1980. – 9 мая. – С. 4.	34
Тревожен мир. // Кузбасс. – 1980. – 9 мая. – С. 4.	35
Всего обидней. // Кузбасс. – 1986. – 23 февраля. – С. 4.	35
В магазине. // Кузбасс. – 1986. – 23 февраля. – С. 4.	35

«Через что мы шагнули...» // В кн.: Лето. – 1981. – С. 66.	35
С думой о Победе (к 40-летию Победы). // Кузбасс. – 1985. – 1 января. – С. 1.....	35

*** **

КОГДА ПРОЙДЁТ В ДУШЕ НЕВЗГОДА:

Предисловие Марии Небогатовой к рукописному сборнику Михаила Небогатова сороковых годов. // Литературный Кузбасс. – 1995. – № 1. – С. 39.	36
Воздушный обстрел (Лето, 1941). // Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2. – С. 36.....	36
С Западного фронта. // Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2. – С. 36.	36
Госпиталь в г. Соль-Илецке: 1. Брату Григорию; 2. Подруге; 3. В полдень. // Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2. – С. 37.	37
В госпитале. // В кн.: Благодарю, благодарю... – 1995. – С. 23.....	38
Встреча с Героем Советского Союза. // Литературный Кузбасс. – 1995. – № 1. – С. 40.	38
Русский человек. // Благодарю, благодарю... – 1995. – С. 26.....	38
Письмо. // В кн.: Писатели Кузбасса. Хрестоматия. Проза, поэзия. – 2007. – С. 325.....	38
На передовой. // Литературный Кузбасс. – 1995. – № 1. – С. 39.	39
Полдень. // Литературный Кузбасс. – 1995. – № 1. – С. 39.....	39
Ещё письмо. // Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2. – С. 37.....	39
Огонь. // Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2. – С. 38.....	40

*** **

«Не обойдёшь сторонкою в беседе...» // В кн.: Вечерние огни. – 1989. – С. 39.....	40
--	----

<i>Иллюстрации</i>	41
--------------------------	----

Литературно-художественное издание

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«ЛИШЬ ПАМЯТЬ ТРОНЬ...»

Поэт-фронтовик – о войне

НЕБОГАТОВ, М. А. «ЛИШЬ ПАМЯТЬ ТРОНЬ...»: Поэт-фронтовик о войне / Сост., компьютерный набор и вёрстка – Нина Инякина, дочь поэта. Обложка – Павел Окунев, внук поэта. – Кемерово, 2014, 53 с.: ил.

